

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ШАЛАШОВ

ЦИТАДЕЛИ

Меч и магия рядом

Цитадели

Евгений Шалашов

Цитадели

«автор»

2014

Шалашов Е. В.

Цитадели / Е. В. Шалашов — «автор», 2014 — (Цитадели)

Кто знает о том, что в структуре российских спецслужб существует аналог отдела X-Files, специализирующийся на странных делах, связанных с паранормальными явлениями? Мало кто знает, сколько ЧП приносят уфологи, криптозоологи и «пара-аномальщики». Причем не из злого умысла, а из «научного» интереса. А результат? «Тарелочники» приняли новый МИГ за НЛО и выложили снимки в Интернет на радость иностранным шпионам. Криптозоологи ловили ихтиозавра и напоролись на учебную базу подводных диверсантов. Ни одна вражеская разведка не нанесла нам столько ущерба, сколько эти «безобидные» искатели. Мог ли подумать школьный учитель, что он будет вовлечен в спецоперацию ФСБ, результатом которой станет открытие действительно настоящей Тайны?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	33
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Шалашов

Цитадели Застеколья

Часть первая

Цитадель

Глава первая

Настоящий полковник

Здесь и сейчас

Бегать по лесу летом небольшое удовольствие, а уж зимой – это сущий ад. Но выбора не было – следом за мной гнались собаки и несколько дюжих мужиков.

Я не очень хороший бегун. Скорее, плохой. После десяти минут начинаю задыхаться. Сколько раз говорил – пора бросать курить! Вот теперь – точно брошу. И линзы вместо очков заведу! Если удержу...

Четыре недели назад

Уроки сегодня закончились раньше, потому, что обучающихся (слово-то неуклюжее, но сейчас так принято!) отправили в поликлинику. Я не переживал. Так или иначе, но «Индустриальная цивилизация» рассмотрена будет. А не будет – не судьба. Всё равно, выйдя из-за парты, детки всё забудут...

Обычно, занятия в школе у меня заканчиваются часа в три, а в университете, где я в свободные – то есть «методические» дни работаю доцентом (на четверть ставки!) – в четыре. Так что, хотя я получаю меньше, нежели мелкий чиновник (про крупного и заикаться боюсь!), но с работы прихожу раньше.

Дома никого не было, если не считать проснувшегося кота. Кузька, поприветствовав меня радостным урчанием, доложил, что проголодаться он не успел, но поменять наполнитель в горшке не помешало бы. Проконтролировав, как выполняются распоряжения, ушел досыпать.

Я предвкушал возможность немного посидеть одному – не спеша попить кофе, затягиваясь сигареткой, а не выходить на балкон. Авось, к возвращению моих барышень, табачный дым выветрится... Потом заняться приготовлением ужина – нужно же кормить жену и дочь. Вдохновение не накатывало, поэтому решил ограничиться картошкой с котлетами. Зато – с квашеной капустой.

Но раззвонившийся телефон испортил всю прелесть вечера.

Лет пятнадцать-двадцать назад я испугался бы такого звонка до коликов. Хотя, в те времена позвонить по домашнему телефону мне никто бы не и смог, потому что оно в те годы и не было, а о «мобилах» даже и не слышали. Иногда на меня накатывает ностальгия по «без-телефонному» существованию. Особенно перед сессией, когда резко повышается количество беременных студенток и больных студентов, жаждущих получить зачет.

Да, воды утекло много. Правда, в те годы невинную просьбу «Забегать в любое удобное время», озвученную незнакомым человеком из этого учреждения, воспринял бы как приказ. Впрочем, тогда бы мне так не сказали. Точнее, сказали бы не так... Времена меняются. Теперь же можно немного поломаться. Сказать, что человек я, в принципе, очень занятой, а то, что застали меня дома в такой час – чистая случайность. Ну, и прочая-прочая. Но ломался

я недолго. Так, чисто для проформы. Да и на том конце провода прекрасно понимали, что человек отговаривается только из-за самоуважения. Страх перед “КОНТОРОЙ”, заложенный в незабвенное советское время, остался где-то на уровне спинного мозга. Или ниже. Поэтому, уже договорившись, что завтра в «пятнадцать часов будет удобно», вспомнил, что в это время я действительно занят. Как раз завтра у меня лекция в университете. Теперь занятия пришлось переносить.

Двигаясь по мокрой, из-за ранней оттепели, февральской улице, думал – а что «ИМ» от меня нужно?

Вербовать? Кому я нужен. Нет, я не самоуничижаюсь. Просто, мыслю реально и манией величия не страдаю. Консультация? Вот это правдоподобно. Такое иногда случалось.

Невзрачное трехэтажное здание очень удачно замаскировалось между библиотекой имени Верещагина (не того, которого играл Луспекаев, а художника!) и городским УВД, где когда-то работал. А вот побывать внутри здания КГБ (ну, теперь ФСБ), как-то не сподобился, о чем я никогда и не жалел. Даже сегодня вполне мог бы обойтись без визита. По-крайней мере, не обиделся бы, если бы тот неизвестный товарищ позвонил и отменил встречу. Хотя, все же мне было любопытно!

Звонивший, разумеется, представился, но у меня скверная память на фамилии. Простенькая такая, немецкая. Не то – Зингер, не то – Мюллер. Хотя, такую-то – историческую, точно бы запомнил!

При входе не стали спрашивать – к кому, дескать, вызывали, а спросили мою собственную фамилию. Дежурный капитан, заглянул в тетрадочку, буркнув при этом: «Есть такой!». Тетрадочка разочаровала. Можно бы и «комп» поставить. Но документы капитан все-таки попросил. Позлорадствовав в душе, я показал аспирантское удостоверение, надеясь, что меня не пропустят. Выдавали «корочку» лет ...цать назад, а я с тех пор не только защитился, но и стал доцентом, но через вахту университета меня с ним пропускали. Может, отправят обратно? Как же! Раз есть фото – значит, документ удостоверяет мою личность. Дежурный кивнул, выписал мне пропуск и вызвал мрачного прапорщика кавказского типа, который и препроводил наверх, к дверям непримечательного кабинета.

На часах – без двух минут три. Это по-нашему, по-граждански. А если говорить протокольным языком – «четырнадцать часов пятьдесят восемь минут». Ровно через две минуты я постучал в дверь, стараясь, чтобы стук звучал не робко, но и не нахально. Не знаю, удалось или нет, но сразу услышал доброжелательно-бодренькое «Да-да, заходите!», после чего и шагнул в открывшуюся дверь.

Отсутствие секретарши подсказывало, что кабинет не самого большого начальника. Зато, наличие небольшого тамбура и «Т-образный» стол говорит о том, что это все-таки начальник, вынужденный проводить совещания. Либо второй-третий зам, либо начальник отделения. Значит, не рядовой оперативник. Мелочь, но приятно. Вот только создалось впечатление, что в кабинете сидит не сам хозяин. Любой начальник, будь он трижды аккуратист, заполняет свой кабинет мелочами: портретами любимых женщин и детей, сувенирами, памятными медалями. В крайнем случае, своими фотографиями рядом с мэром, губернатором или президентом. Ну, на худой конец, рядом с любимой собакой президента.

Казалось, что человек, сидящий в кресле, привык к более шикарным кабинетам. Слишком он был гладкий и круглый. Какой-то «непровинциальный». И еще – возраст... Внешний лоск не сумел скрыть, что ему лет пятьдесят пять. Это только в плохих книжках пишут “пожилой капитан” или “немолодой майор”. Да, лет двадцать назад еще были пожилые капитаны. Теперь, если человеку в “штатском” за пятьдесят, то он должен быть полковником. Или, пенсионером.

Завидев меня «полковник» (пока в кавычках), бодро выскочил из-за стола. (Я уж собрался написать “подкатился”, но передумал. Был он, эдакий, кругленький... Но не колобок.

Что-то в этом подкате другое – не от колобка, а от пушечного ядра, притворяющегося хлебобулочным изделием.)

– Рад, очень рад, – задумчиво пропел хозяин и протянул мне обе руки сразу. – Не думал, что сможете выбраться!

Рукопожатие было не демонстративным, как у отупевшего от анаболиков “качка”, а профессиональным. Сильным, но щадящим. Так обычно жмет руку мой приятель, имеющий звание заслуженного тренера по кикбоксингу. А «качкам» я обычно подаю не ладонь, а кулак. Им все равно, а мне не больно.

– Да вы раздевайтесь. Присаживайтесь, – бодро ворковал «колобок», излучая шикарную металлокерамическую улыбку из профессионального запаса. При этом он успел принять у меня куртку и ловко пристроить ее в стенном шкафу. И, не давая мне вставить и слова, продолжил:

– Виктор Витальевич. Фамилия – Унгерн. Сразу говорю – барону-белогвардейцу не родственник. Звание – полковник. Должность – начальник отдела. Правда, не здесь, а в Москве. А отдел наш занимается очень интересными вещами. Кстати, они связаны и с вашими исследованиями. Читал-читал. Очень интересные работы.

Виктор Витальевич сделал паузу и посмотрел на меня еще более ласковым взглядом. Ах, он, умница! Лучшего комплимента нельзя было и придумать. Да ради такого, я готов простить госбезопасности гонения на Сахарова и выдворение всех инакомыслящих, включая Солженицына с Войновичем. Но все-таки, нужно «держаться фасон». Купаясь в лучах чужого обаяния и, мурлыкая от собственной значимости, небрежно спросил:

– Неужели славянской демонологией занимаетесь?

– И этим тоже, – утвердительно промурлыкал Унгерн. – Вы сериал “Секретные материалы” смотрели?

– Смотрел когда-то... – вытаращился я. – А что, вы инопланетян ловите? Или «йети» разыскиваете?

За последнее время я прочитал такое количество книг о том, как ГБ ловит тайных и загадочных существ, что напрочь перестал в это верить... У государственной безопасности и других дел выше крыши.

– Инопланетяне, «снежные люди»... – покачал головой полковник. – Занимаемся. Только не так, как это описывают. Вы знаете, сколько ЧП нам приносят все эти уфологи, криптозоологи и прочие «пара-аномальщики»? Этого я не знал. Равно как не знал, какие ЧП могут принести безобидные чудачки. Пришлось очень неопределенно повести плечами. Полковника (теперь уж понятно, без кавычек), порадовала моя неосведомленность:

– От десяти и до сорока в год. Это только те, что зарегистрированы как преступления. А реально? Умножайте на десять. И знаете почему? Нет?

– А что тут может произойти? – недоуменно отозвался я. – Разве, что, когда в горы полезут неподготовленные люди. А там – лавины всякие, оползни... В худшем случае – погибнут. В лучшем, вертолетами снимать придется. Тут уж у МЧС голова должна болеть. Или – если кто в болоте утонет. В лесу заблудятся.

Мне в молодые годы приходилось бывать в этнографических экспедициях. И в болоте по пояс брели и в лодке-душегубке через озеро переправлялись. Помнится, замучился кружкой воду вычерпывать... Сейчас думаю – каким же дураком-то я был?

– Абсолютно правы, – перебил меня полковник. – Каждый должен сам отвечать за свои глупости. И когда с гор снимают, из болота достают, тут не наши заботы. Безопасности государства здесь ничего не угрожает. Беда в другом. – С этими словами Виктор Витальевич полез в стол и вытащил из него монументальную пепельницу. – Курите. Сам уже года три как не курю, но запах хорошего табака люблю.

Судя по косому взгляду хозяина, мои сигареты не вписывались в его представления о хорошем табаке. Унгерн, дождавшись, пока я прикурю, продолжил:

– Проблема в другом. Очень часто все эти, скажем так, господа-товарищи, лезут туда, куда не надо. Начинаете понимать?

– Кажется, да, – ответил я. – Ну, с «черными» следопытами все ясно. Лазают по полям сражений. А в немецкие «шмайсеры» только патроны вставить. Да и наши, «трехлинейки» не хуже будут.

– Это все мелочь, – отмахнулся полковник. – Даже не вчерашний, а позавчерашний день. С этими милиция справляется. У вас на металлургическом комбинате и бомбы находят и снаряды в стволах. Чего только не пришлют... Кстати, недавно в одной из школ гранату нашли.

Эту историю я знал. Гранату без взрывателя притащили в школу невесть сколько лет назад. Она, все эти годы благополучно пролежала в школьном музее. И еще бы столько же пролежала, если бы бдительный родитель не узрел боеприпас и не вызвал полицию. Ну, а журналисты всегда готовы соорудить из мухи не слона, а стихийное бедствие.

– Ну ладно, шут с ней, с гранатой, – благодушно махнул рукой мой «колобок». – А вот есть вещи более серьезные. Фугасы и противопехотные мины не хотите? Или, выплавленный тол из авиабомб? Из-за этих паразитов у нас потеря больше, чем от...

Не досказав – с чем же можно сравнить потери, Виктор Витальевич расстроено махнул рукой и полез в ящик стола. Когда он вытащил шикарную трубку, я уже приготовился наблюдать священнодействие. Все «трубочники» так долго и сосредоточенно раскуривают свои «люльки», что хоть рассказы пиши. Но полковник ограничился тем, что блаженно принялся к чубуку и грустно вздохнул. Так и не досказав, с какими потерями сравнивались жертвы «черных» следопытов, продолжил:

– А кроме «следопытов» есть еще и «черные» археологи. Знаете, сколько произведений искусства уходит на Запад? На мил-ли – арды долларов! Кража из «Эрмитажа», по сравнению с этим, ерундой покажется. Сопоставимо только с потерями от кражи нефти и газа. И дело не в деньгах. Точнее – не столько в деньгах. Недавно через таможенную пошлину прошли златники и серебряники первых русских князей. Знаете, сколько древнерусских монет известно?

Вот это я как раз знал. Все-таки, нумизматику преподаю не первый год.

– Одиннадцать золотых и триста тридцать серебряных монет, доложил я и, на всякий случай уточнил: – Те, что по каталогу Спасского и Сотниковой проходят.

– Проходят? Так вот, по оперативным данным, через таможенную пошлину «прошло» (выделил он) 50 златников князя Владимира. А сколько серебряников – неизвестно. Только по весу около двух килограммов. И что? Прошли легально, как лом драгметаллов. Рыночную стоимость этих монет можно только предполагать.

От такой новости я уронил очки и чуть не подавился окурком. – Проняло? Хорошо, что не спрашиваете – а куда органы безопасности смотрят и за что им деньги платят. Кстати, а почему не спрашиваете? – А смысл? Монеты уже ушли. Хорошо бы только узнать – откуда они пришли? И куда, действительно, смотрят наши чекисты?

– Ну, этим мы сейчас занимаемся. Но вы немного поняли проблему? Прекрасно. «Черные» следопыты есть. Теперь вон, помоечники появились.

– Про таких не слышал, – удивился я.

– Это те, кто немецкие помойки раскапывают. Вычислят – где стояли землянки и где находились помойки. Знаете, наверное, как их вычислить?

– Крапива гуще растет, – пожал я плечами.

– Вот-вот. А среди фашистов было много ценителей искусства. Целые вещи они себе оставляли, а то, что браковалось – на помойку. Теперь вот эти помойки раскапывают.

– Все по науке, – засмеялся я, вспомнив одно из «золотых» правил археолога. – Клад археолога – помойка!

– Знаю-знаю. Но археологи-то раскапывают помойки, которым уже с тысячу лет. А эти... Там ведь тоже может оказаться что-нибудь этакое... Ну, например, психотропные лекарства.

Были случаи... Но существуют вполне легальные военно-исторические клубы. Восстанавливают, так сказать, историческую справедливость и чувство патриотизма. Это ведь так со стороны кажется. Не спорю, в большинстве своем, люди бескорыстные и искренние. Ну, чокнутые, немного, не без этого.

– Почему чокнутые? – обиделся я, потому что и сам был не без греха – участвовал в военно-исторических реконструкциях наполеоновских войн.

– Да уж ладно, Олег Васильевич, – примирительно проговорил Унгерн. – Это так, к слову пришлось. В конце – концов, каждый с ума по-своему сходит. А вот, два добрых молодца пошли искать трофеи и подорвались на mine. Кто бы мог предположить, что она там окажется? Места глухие, населения нет. И бои-то были случайные. Кто туда саперов посылать станет? Так вот, один погиб, а второй... Второй, отлежался, отрезал голову у приятеля, забрал его документы и попытался смыться. Искали и мы, и милиция. Нашли...

– А зачем голову-то отрезать? Крыша после контузии съехала?

– Да нет, мыслил мальчик вполне здраво. Они там офицерскую землянку нашли, а в ней – костяки. А на тех скелетах – истлевшие мундиры, медали, железные кресты, «смертные» медальоны. У одного даже Рыцарский крест был. В Германии, за «смертные» медальоны большие деньги дают... Если бы мальчик сообщил, куда надо, то рисковал, что все его добро просто конфискуют. Ну, или пришлось бы делиться с наследниками покойника. Вот теперь, из-за жадности получил несколько лет за надругательство над трупом.

– И, что – такое часто встречается? – поинтересовался я.

– Такое – редко, – не стал врать полковник. – Чаще вредят бескорыстно. Они же, готовы землю носом рыть, лишь бы хоть что-то найти. Если не самого снежного человека, то хотя бы его какашки... Теперь, касательно уфологов, криптозоологов и прочих исследователей непознанного и неопознанного. Тут свои проблемы. Год назад «тарелочники» новый МИГ за НЛО приняли. Мы этот самолет от всех шпионов уберегли. А эти ... хм, прохиндеи, прошли через посты, как танк сквозь гаишников. В результате – выведена из строя линия правительственной связи – они свою аппаратуру установили и «заземлиться» пытались. Аэродром рассекречен. Снимки самолета в Интернете. Пожалуйста, господа – пользуйтесь. А эти, ловцы таинственных и вымерших животных? Недавно ловили ихтиозавра и напоролись на учебную базу подводных диверсантов. База рассекречена. Вот такие вот дела. Да ни одна вражеская разведка нам столько ущерба не нанесла, сколько эти «безобидные» искатели. Кстати, а помните, что вы и сами к этим делам ручки приложили?

– Это когда? – изумился я.

– А библиотека Ивана Грозного, которая, якобы, находится в пятнадцати верстах от вашего города? – ухмыльнулся полковник. – Сколько книгоманов ломанулось? А дельфины-диверсанты, в Рыбинском водохранилище? Понимаю – первоапрельские розыгрыши, но все-таки? Еще хорошо, что ваши статьи бед не наделали. Ну, кроме неприятностей лично для вас.

Крыть было нечем. Действительно, был грех. Нужно сказать, что ко всем прочим «шабашкам», я еще веду краеведческую полосу в местной газете. На первое апреля, естественно, нужно «выдавать» что-то убойное... Помнится, написали мы с моим другом Володькой статью о фашистских танках, которые рвались к нашему городу, пытаясь уничтожить стратегические запасы сена для кавалерии. Одному «Фердинанду» не повезло – застрял в наших болотах. И надо же было поместить в номер фотографию немецкого танка. Кто же знал, что подобной модели нет ни в одном музее? Долго потом отбредивались от музейщиков не только с бескрайней и любимой Родины, но и из других стран. А когда один дедушка из Германии договорился с высоким начальством о тракторах, железнодорожных платформах и подъемных кранах – это был финиш! Главный редактор едва не поседел, когда услышал астрономическую сумму, которую предлагали нам с Вовкой. Потом чуть не поседел и он, когда главред отпра-

вил нас искать «Фердинанд»... Еле-еле отговорились, что теперь в этом месте водохранилище, а с водолазами у нас плохо. А библиотека Ивана Грозного... Кто же знал, что в нашей стране столько легковых?

Кажется, господин полковник был в курсе, но углубляться не стал. Коротко хохотнул и продолжил:

– Ладно, вернемся к главному. Как думаете, зачем мы вас пригласили?

– Предполагаю, что для какой-нибудь консультации, – осторожно высказался я. – Бывшие коллеги из милиции, виноват, полиции периодически «припахивают». Иногда нужно антиквариат оценить. Иногда просто, подсказать что-нибудь. В последний раз тревожили из-за поджога часовни. Подозревали студентов-язычников. Ну, в крайнем случае – сатанистов.

– А вы что, нашли им сатанистов? – профессионально заинтересовался полковник.

– Ну, откуда они возьмутся? Пару лет назад нашлись ублюдки, кошек в жертву приносили. Их потом дачники поймали. Повезло, что участковый рядом оказался...

– А часовня?

– А часовня... Ее один придурок поджег. Его и без меня вычислили.

– Без вас? – улыбнулся полковник.

– Ну... – протянул я, – почти. Я только идею высказал. Дело ведь не только в том, что это часовня. По сути – это братская могила, над которой часовня стоит. В Смутное время поляки в этом месте монахов живьем сожгли. В общем, понимаете. А ваш интерес ко мне не из той же оперы?

Виктор Витальевич снова вытащил трубку. Но теперь он обнюхивал ее не блаженно, а сосредоточенно, как человек, принимающий важное решение:

– Есть некоторые соображения, – туманно изрек он. – Олег Васильевич, возможно, вам покажется странным мое предложение... Речь пойдет не столько о консультации, сколько о сотрудничестве. И, пожалуйста, не пугайтесь. Никто не собирается вас вербовать или делать стукачом. Сами понимаете, никакой серьезной угрозы для безопасности страны учебные заведения, где вы трудитесь, не представляют.

– Хотя, осведомители есть, – не удержался я от шпильки.

Полковник соорудил неопределенно-кислую гримасу – мол, понимай, как хочешь, и продолжил:

– К сожалению, то, что я сейчас расскажу, является тайной. Поэтому, если готовы слушать, то нужно подписать одну бумажку. Вот, где галочка...

С ловкостью фокусника выловив откуда-то из воздуха (стол-то чистый, а в ящик он не лез!), положил передо мной бланк. Заинтригованный донельзя, я цепко ухватил ее и, не задумавшись, оставил свой росчерк. Уже потом, расписавшись, посмотрел – оказывается, я дал согласие не разглашать то, что мне стало известно. Плюс, то, что меня предупредили об уголовной ответственности. Нужно будет посмотреть – сколько светит за. Потом обратил внимание на то, что моя фамилия и паспортные данные уже впечатаны!

Унгерн, словно мысли читал:

– Не обиделись, что заранее вписали? Не сомневались, что вы согласитесь. Правильно?

– Правильно, – вздохнул я. – Всегда отличался любовью к авантюрам. И чисто русской привычкой – подписывать не читая.

– Это точно, – непонятно чему обрадовался собеседник. – Авантюризма в вас хоть отбавляй. Одна перемена работ чего стоит. Из музея – в милицию, из милиции – в банк. Потом школа и вуз, вуз и школа. Главное – никакой логики. А сейчас вы и журналист, и педагог, и ученый.

Польстил, польстил мне полковник насчет ученого. Просто, в наших кругах говорят: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан!»

– Работаю везде, где придется. Деньги нужны.

– М-да, многоликий вы наш. Вот, поговорим о работе. Да и о деньгах тоже. Есть возможность немножко подзаработать. Думаю, к зарплате учителя и почасовки доцента, тысяч сорок-пятьдесят – рублей, естественно, будут нелишними. А может и больше. Но это уж как пойдет...

– Сорок-пятьдесят? В месяц? – живо заинтересовался я. В последнее время, становлюсь похож на одного дядюшку. То ли на Скруджа, то ли на Сэма, у которых при слове «деньги» в глазах начинают мелькать символы доллара. Я, правда, до долларов и евро пока не дорос. Стыдно, но что делать? Время такое.

Полковник Унгерн посмотрел на меня понимающе – определенно читал мысли и рассмотрел все нолики. Но, в конце концов, Виктор Витальевич отлавливает охотников за зелеными человечками не за «спасибо». Решив, что пора, Унгерн начал:

– Дело вот в чем. Месяц назад пропала группа криптозоологов. Будь это просто искатели йети, то все пошло бы как обычно: заявление родственников в полицию, оперативная информация, поиск. Если бы дело было летом, то еще можно подключить людей. А зимой...

Я лишь кивнул. В мою бытность работы (виноват, службы!) в милиции, розыск «потеряшек» сводился к формальностям. Придет оперативник, поговорит с женой или родителями. Разок-другой покажут по телевидению фотографию пропавшего (или пропавших). Вот, собственно и все. А зимой могут и до места не дойти. А так – либо сами найдутся, либо... Не думаю, что полиция работает лучше.

– В составе группы был сын одного из «больших» людей. Очень больших. Нет бы, как вся эта ... «золотушная» молодежь – по ночным клубам, ресторанам, по борделям... А парень биофак МГУ закончил с красным дипломом. Вот, понесло его искать «редких» и «вымерших». Пропал. На поиски были брошены крупные силы. Милиция, МЧС, частные структуры. Нашли стоянку, пустые банки. Группа большая была – следов, соответственно, много. Лес разбили на квадраты, прочесали все под гребенку. Ни слуху, ни духу. Самое любопытное, что специалисты установили, что группа никуда с поляны не уходила. Под землю они не проваливались. По воздуху не перемещались. Как быть?

– А вертолет использовали? – поинтересовался я. Глупость спросил. Конечно же, использовали.

– Скажу больше. Специальный спутник запустили. Знаете, в какую копеечку это обошлось? Глухо. В группе было десять человек. У всех сотовые телефоны. А они пеленгуются даже в выключенном состоянии.

Таких тонкостей я не знал. Интересно, а почему же тогда столько краж сотовых, если их так легко искать?

– Так вот, – продолжал полковник. – Даже если бы они утонули в болоте, все равно остались бы следы. Про волков, медведей – вообще молчу. Забавно, но во время поисков солдаты подстрелили штук трех медведей. Будили и стреляли. Не переживайте, Олег Васильевич, стреляли снотворными капсулами. А потом берлоги осматривали. Хотя – тоже глупость. Не бывает таких медведей, чтобы проснулись и в берлогу кого-то утащили. Задрали бы на месте, растерзали. Как охотник говорю. Но это еще не все. После того, как страсти поутихли, на это место ушла еще одна группа. Там у меня был свой человек. С сотовым телефоном, с маячком.

– Тоже пропали? И группа, и человек? – догадался я.

– Тоже, тоже... – дернул щекой Унгерн. – И, что удивительно – сигнал идет и маячок действует. Предупреждаю вопрос – маячок не висит на дереве, и не зарыт в землю. Этот маячок вычисляется с точностью до одного-двух сантиметров. Сигнал идет из пустоты. А сотовый вообще сдох.

– Аккумулятор... – начал я робко.

– Аккумулятор такого телефона может работать месяц без подзарядки. Это ведь не обычный телефон, а наш. Кроме того, он – телефон то есть, сам по себе маячок. Там кнопочка специальная есть – нажал и пошел сигнал бедствия.

– И что дальше?

– А дальше, – Виктор Витальевич виновато отвел взгляд. Встал. Прошелся по кабинету. И предложил: – А давайте-ка кофейку.

Не дожидаясь ответа, Унгерн открыл дверцу встроенного шкафчика и включил электрочайник. Вытащил банку «Нескафе» (наши вкусы совпадали), сахар, какое-то диковинное печенье (каждая печеньюшка в отдельной упаковке!) и новенькие пластиковые чашечки (тоже западные!). Пока он стелил на стол салфетки (ох уж эта немецкая аккуратность!) и обрывал упаковки с чашек, чайник щёлкнул. Разливая кипяток, полковник обронил:

– Предложил бы чего покрепче, но пока не буду. Может – попозже.

Пили молча. С каждым глотком с полковника слетала веселость и он посматривал на меня как на потенциального бойца невидимого фронта. А может, мне так просто казалось. Первым не выдержал я:

– Мент родился!

– И очень толстый, – поддержал Унгерн шутку.

Вопросительно посмотрел на меня – дескать, еще кофе? Я мотнул головой – мол, достаточно и вообще, весь во внимании и почтении.

– Итак, Олег Васильевич, будем считать, что ситуацию вы поняли. Теперь у вас закономерный вопрос – а зачем я понадобился компетентным органам? Так?

– Уж точно, не пропажу разыскивать.

– А вот как раз, именно об этом мы вас и собираемся просить. Понимаю, вы скажете – какой из меня поисковик?

– Да, уж поисковик из меня, как ... – не сразу нашел, с чем бы это себя сравнить. Потом придумал: – Как автомат Калашникова из лопаты.

– Ну, определенное сходство у лопаты и автомата есть, – почему-то обрадовался полковник. – И чисто внешнее. А лопата – вообще инструмент многофункциональный. По крайней мере, можно в рукопашной использовать. А что касается вас... Во-первых, вы ученый, историк. Хоть и писали диссертацию по филологии. Я, кстати ее читал. Помнится, в отличие от вашей сказочной версии, вы придерживаетесь точки зрения профессора Поршнева о том, что снежные люди, они же «дивы» и «йети» – это есть лешие и домовые. И они же, в свою очередь – наши двоюродные братья по разуму – неандертальцы. Так?

– Несколько упрощенно, но правильно, – был вынужден согласиться я, ожидая услышать «во-вторых».

– Во-вторых, нужен человек, который будет держать язык за зубами. Насколько я знаю, будучи журналистом, вы писали о криминале? Так? И при этом, как бывший милиционер, имели информации гораздо больше, нежели простой журналист. Но вы ни разу не написали о том, что ваши друзья сообщали вам неофициально. Никакой «жареной» информации. А ведь она наверняка была?

– Естественно, – согласился я. – То, что рассказывали бывшему капитану Кустову, они бы не рассказали журналисту Кустову. Парни со мной бы не то, что разговаривать или водку пить, так и здороваться бы перестали.

– Вот видите. И специалист по нечисти, и в какой-то мере, наш коллега. Хоть и бывший. А бывших ментов и гэбэшников не бывает. Так?

– Так-то оно так. Но все равно. Вы ведь – серьезная организация. А тут – нечисть. Как-то, не вяжется это с обликом рыцарей «плаща и кинжала».

– Дорогой Олег Васильевич, в мире нет ничего странного, – улыбнулся полковник. – Помните, у Стругацких, есть замечательная книга – «Жук в муравейнике»? Дословно, конечно не скажу... Там начальник космической службы безопасности говорил о том, что если пахнет серой и, можно предположить, что там сидит черт, то он обязан использовать даже святую воду. Не читали?

– Читал, – вздохнул я. – И, считаю, что он абсолютно прав. Но книга – есть книга, не вам объяснять.

– А вы, что думаете, серой только в книжках воняет? – Немного помолчав, давая мне осмыслить сказанное, продолжил:

– Пропали люди. Скажу откровенно – мне не столько важны они все, будь они хоть все дети премьеров, спикеров и прочих боссов. Меня бесит пропажа моего человека. Понимаете? Моего! Каждый, с кем я работал, должен остаться в живых и вернуться. Или же, на самый-самый плохой конец, имеет право быть похороненным. Простите за сентиментальность, но я хочу, чтобы у моей семьи была возможность, хотя бы изредка, мою могилку навещать. А для этого я должен позаботиться и о чужих могилах. А здесь... Я не видел его живым, не могу похоронить. Такого в моей практике (а она у меня большая, поверьте) еще не было. И поэтому, я буду рассматривать любые, самые нелепые версии.

– И все-таки, почему вы остановились именно на моей кандидатуре?

– Ну, для этого есть еще один фактор. Номер три. Эти события произошли километров в тридцати от того места, где вы провели свои первые семнадцать лет жизни. Как сейчас модно говорить – на вашей исторической родине. Да-да. В Грязовецком районе. Ну что, даете согласие на сотрудничество? Или денек-другой подумаете?

Мой маленький мирок, оставшийся в далеком детстве, и в уже не менее далекой юности, стал ареной нешуточной возни. И это, при всем притом, что я регулярно навещаю на историческую родину... Краевед хренов. Поэтому, не раздумывая больше, спросил:

– Что нужно делать?

– Для начала, решить ряд организационных вопросов.

– Например?

– Например, как вам получить отпуск по основному месту работы. Оно ведь у вас в школе? В феврале – марте его вам вряд ли дадут. Мы поможем оформить больничный лист. Будем его продлевать, по мере надобности. Кроме того, будет больничный для кафедры, чтобы лишних вопросов не было. Далее. Вам придется приехать на то место и поселиться в лесу.

– ??!

– Да, именно в лесу. Просто поселиться. Без связи, без телефона. Никаких радиомаячков. Только глаза, уши и ваша эрудиция.

– Зачем?

Полковник Унгерн все-таки не выдержал. Вытащил из стола трубку. Полазал по ящикам в поисках табака. Поиски были тщетны, поэтому пришлось предложить ему пару «балканок». Скривился до глубины души, но сигареты взял. Чуть ли не сталинским жестом раскрошил сигареты и основательно набил трубку. Видимо размышлял – как лучше ответить. И действительно – ответил только после того, как раскурил и основательно затянулся:

– Выяснять-то все равно надо. Если не удалось ничего разузнать методом «чеса», с помощью спутников и так далее и тому подобное, то нужно отправить одиночку. Честно скажу – ваша кандидатура с точки зрения физической и прочей подготовки... Только не обижайтесь, пожалуйста – ни к черту. Вы же на турнике и трех раз не подтянетесь. А если драться придется?

– Тогда отправьте туда какого-нибудь мордоворота, – обиделся я, несмотря на извинения полковника. Хотя чего на правду-то обижаться?

– Вы же слышали – целую группу мордоворотов посылали. Если слон с человеком поделится, ему, слону то есть, ведь все равно – мастер спорта по боксу или ... интеллигент. Затопчет и не заметит. Значит, нужно идти от противного. А параметры кандидата я вам обрисовал.

– Смутно себе представляю, как это будет выглядеть.

– Я когда-то тоже смутно представлял себе – как мне выживать в одном, ну, скажем так, не очень приветливом месте. А там крокодилы, гориллы. А самое скверное – америкосы и дрянная вода. И, неизвестно – что хуже. У нас тогда основные потери от поноса да малярии

были. И как всегда – чисто российское головотяпство, из-за которого продовольствие и медикаменты отправили не туда, куда надо. Но выжил. Рецептов здесь нет. Просто, сегодня это единственный шанс хоть что-то выяснить.

– А если я ничего не выясню?

– Ну, значит, вы ничего не выясните, развел руками полковник. – Мы не знаем – что там случилось. Никакой конкретики, никакой зацепки. Одни непонятки. Поэтому, никто не ждет конкретного ответа, потому что неизвестно чего ждать. Мое начальство вообще посчитало весь проект бредом сивой кобылы. Но деваться-то некуда. Нужно отрабатывать все варианты. Вот мы их и отрабатываем.

Полковник зашелся в приступе кашля, изрядно сбившего пафос с проникновенной речи. Наверное, после трехлетнего перерыва, моя «Балканская звезда» показалась чересчур крепкой и плебейской. Но все-таки, Унгерн сумел достаточно быстро справиться с приступом. Вот что значит сила воли!

– Ну что же, Олег Васильевич. Ряд вопросов мы еще решим. Но нужно обдумать «легенду». Как и с чем вы появитесь в тех местах? Сами понимаете – для нас важна конспирация.

– Думаете, «легенда» кого-нибудь обманет?

– Либо да, либо нет, – осторожно склонил голову на бок Унгерн. – Но все равно, гораздо лучше ехать с какой-то «легендой», чем сообщать правду. Ту же местную полицию, например, обмануть будет трудно. Но одно дело – когда реальную цель знают наверняка и, совсем другое, когда догадываются. Гадайте, ребята, на здоровье. Тем более, что особой-то тайны здесь нет. О пропаже двух групп знает весь район.

– Тогда какой смысл маскироваться?

– Потому, – усмехнулся полковник, – что начнут помогать... А вам от этой помощи больше вреда будет. Кто его знает – что там на самом деле? Может – инопланетяне. Может – другая реальность.

– То есть, берем на выбор несколько фантастических книг и делаем версии. Эту – по Белянину, эту – по Олди.

– Во-во, берите, не жалко, – поддакнул Унгерн. – Но вначале – «легенда». Под нее придется все остальное строить – подготовку, снаряжение, документы. Времени у нас немного. Эх, будь это дело летом – пустили бы вас по специальности, как кандидата наук. – Ага, Шурик... Анекдоты, песни. Тосты! Вот только с тостами будет плохо. Народ там не кавказское вино, а «Трою» хлещет. И не меня угощать будут, а самому «проставляться». Никаких денег не хватит. Меня потом «кодировать» придется...

– Это точно, – согласился полковник. – Быстрее сопьешься, чем фольклора наберешься. Ишь, в рифму заговорил. Ну а все-таки, какая легенда? Может быть, орнитолог? Метеоролог? Кто еще может зимой в лес переться?

– Если один, и в лесу, то уж скорее выживать, – подумал я вслух. И тут пришла очень простая мысль. – Специалист по ОБЖ!

– Основы безопасности жизнедеятельности? – сразу же подхватил идею полковник. – А что, в этом что-то есть. Модное дело нынче.

– Соорудите мне бумагу. Дескать, преподаватель, а лучше – специалист из такого-то ведомства, проводит курс выживания в условиях дикой среды. А можно еще проще. Шоу, – «Остаться в живых» или «Последний герой».

– Да, идея, – загорелся полковник. – Пустим информашку по всем СМИ. Так, мол, и так, стартовал конкурс «Зимнее выживание». Конкурс проводит фирма «Герострат».

– А почему «Герострат»? – насторожился я.

– А какая разница? В «Герострате» у меня подвязки есть. Они, кстати, помогают прославиться. За тысячу баксов планету вашим именем назовут, и книжку напечатают. Даже на аллее

звезд мемориальную плиту положат. Правда, ненадолго... Порадуется человечек дня два, а там и звезду уберут и планету новому «звездюку» продадут.

– А книжку? – заинтересовался я.

– С книжкой еще проще. Отпечатают сто экземпляров, а в выходных данных сто тысяч поставят, – отмахнулся Унгерн. – Что же, думаем дальше... По условиям конкурса, участники распределяются по разным районам. Вещи и продукты – только те, что взяты с собой, но не более, скажем, ста килограммов. Так что ваше появление в Грязовецком районе никого не удивит. А приз можно пообещать хоть миллион долларов. Народ вам сочувствовать будет. Понимают люди, что человек не зазря мучается, а из-за денег. Глядишь, какую-нибудь информацию получите. Как идея?

Идея была блестящая. Даже лучше, нежели с вариантом Шурика или специалиста по выживанию. Полковника эта идея вообще привела в восторг. Он уже метнулся к шкафу, собираясь притащить что-то такое, к кофе, но вдруг вспомнил:

– Да. Вот еще – остались маленькие формальности. Написать заявление об устройстве на работу и подписать еще одну бумажку.

– А это обязательно?

– Олег Васильевич, Олег Васильевич, – укоризненно помотал головой полковник. Прозвучало как «Семен Семеныч!» – Не будьте ребенком. Не вам объяснять, что мы – очень бюрократическая организация. Все, что творится, должно быть зафиксировано. Тем более, что оформляем бумаги не на «секретного» сотрудника, а на внештатного. А как мы вам деньги перечислять будем?

Крыть мне было нечем, поэтому заявление написал. Под диктовку. Вроде бы «внештатный» сотрудник звучит благороднее, нежели «стукач». Хотя, кой черт разница? А вот с «бумажкой», отпечатанной на принтере, решил ознакомиться до того, как подпишу. Ва-а! Подписав эту бумажку, я становлюсь «невъездным» на целых... пятнадцать лет.

– Виктор Витальевич! – возопил я, – Да такие бумаги только секретные физики подписывают!

В голосе недавнего «колобка» прорезался металл:

– Олег Васильевич, с этой минуты вы мой подчиненный, – потряс он моим же заявлением. Вам с сегодняшнего дня зарплата идет. Я мог бы сказать – приказываю. Но, хочу, чтобы вы поняли – ни вы, ни я и никто другой не знают, с чем вы там столкнетесь. Насколько это будет опасно для государства. Подчеркиваю – для нашего с вами государства! Подписка на пятнадцать лет? Поверьте мне, не такая уж большая плата. И потом, разве вы куда-то собирались? С вашей-то зарплатой... А вот если у нас все получится, то через пятнадцать лет вы смело съездите – хоть в США, хоть в Тимбукту. Особенно, если секретную зарплату подкопите. Вы же теперь будете состоять в кадрах. Так что – не обессудьте. А теперь, давайте-ка грамм по сто. Лучше подумайте, как перед женой объясняться будете?

И я, конечно же, все подписал. Полковник прав. А еще он прав – как предстать перед женой и дочкой? Врать я им не сумею, а правду лучше не знать. И больничный тут не пляшет. Хотя, можно подумать. Особенно, если лечение будет проходить где-нибудь в другом месте. Желательно подальше, чтобы у девочек не было соблазна меня навестить. Или позвонить... Так, что сотовый телефон придется «сломать».

Пока я размышлял, мой начальник (да, теперь уже начальник) накрывал на стол. Опять-таки, с иссушающей мозг педантичностью, заменил салфетки, выбросил использованные (один раз!) чашечки и достал новые. Включил чайник и вытащил бутылочку с коньяком, шоколадку, блюдо с лимоном и рюмочки, грамм на тридцать – нормальные, а не пластиковые.

Выпив по первой, Виктор Витальевич попытался меня утешить:

– Вообще-то, пятнадцать лет – это так, фикция. Кто вашу подписку увидит, кроме меня? Если в турпоездку оберетесь – решим вопрос.

Спал в эту ночь плохо. Вообще, я не из тех людей, считающих, что утро вечера мудрее. Засыпаю только тогда, когда не один раз подумаю о прошедшем дне и просчитаю самые скверные варианты дня следующего.

Уже теперь, «задним умом», я анализировал наш разговор. Вспоминал все жесты и недомолвки Виктора Витальевича. Все фразы были взвешены и просчитаны. Елки-палки, а полковник был хорошим психологом! Впрочем, хорошие начальники и должны быть хорошими психологами. Плохие до таких должностей не доживают. И точно рассчитано, что такой дурак, как я, клюнет. Не поверю, что не нашлось другой кандидатуры. А главное – теперь отказаться было уже просто невозможно. Деньги приняты (перед уходом полковник сунул мне сорок тысяч – аванс!), документы подписаны. Впрочем, все не так уж плохо. В крайнем случае, пенсия семье обеспечена. С тем я и заснул.

Всю ночь снились гадости: «черные» археологи, выкапывающие летающую тарелку; барон Унгерн, объясняющий мне, что мы должны срочно отбить Монголию от нашествия верблюдов; снежные люди, обещавшие приз за лучшую роль в «Снегурочке». А уже под утро пригрезилось, что лежу в медвежьей берлоге, а бывший хозяин плачет у входа. Потом Потапыч забрался мне на голову и довольно заурчал. От этого-то я и проснулся. Переложил счастливого кота со своей головы на подушку жены и пошел умываться.

Глава вторая

Герой в сугробе

От шоссе, куда я добрался на попутке, до обусловленной точки было километров тридцать – два полем, а остальное – лесом. Летом я осилил бы маршрут за день. Теперь это растянулось на два. Брести по колено, а то и по пояс в снегу не очень просто. Хорошо, что догадался взять с собой старые саночки. Сколько раз собирался их выбросить или сдать в металлолом, но рука не поднималась. Оказывается – правильно. И хотя узкие полозья частенько продавливали снежную корку и застревали, но по большей части наст выдерживал. Вот если бы еще хватило ума взять с собой лыжи!

В первый день выбился из сил часам к шести. Палатку разбивать поленился, благо спецназовский спальник позволял спать на голом снегу. Костер тоже не стал растапливать, обойдясь чаем из термоса и парой бутербродов. А на следующий день все повторилось вновь. Сугробы. Ветки. Те, за которые цепляешься. И те, которые быют в глаза. Но в конце-концов дошел до условленного места. И донес поклажу. Дотащил. Допер. Пока шел, больше всего боялся не найти того самого места. Хотя и показывал мне Унгерн его на карте, и парни-инструкторы объясняли – как двигаться по азимуту, но все равно. Казалось бы, достаточно времени провел в лесу, но ориентироваться на местности абсолютно не умею. Могу заблудиться в трех соснах. А вот, поди же ты, нашел! Вот и приметные елки, вот и та самая точка.

Первым делом устроил хороший перекур. Выпил остатки чая из термоса, доел бутерброды. Теперь нужно ставить палатку, таскать дрова и обживаться.

В этих заботах прошел весь вечер. Палатка, которую под присмотром инструктора я умудрялся ставить за пять минут, упорно сопротивлялась – то цеплялась за ветви, то заваливалась. А костыльки, которыми она должна крепиться, постоянно вылетали из земли. Мне понадобилось часа полтора и несколько десятков слов, неприличных для образованного человека, пока клятая палатка не заняла свое место.

Проснулся от цоканья. Высунул нос из палатки и столкнулся с... чужим носиком. Маленьким, холодным и мокрым. Кроме носа на симпатичной мордочке наличествовали хитрые глазки-бусинки, ушки и великолепный хвост. Были, конечно же, ручки-ножки (тьфу, ты – лапки) и туловище. Но глазки и хвост лучше всего. Это был не глюк, а настоящая белка. Чисто внешне не определить – мальчик или девочка. Но белка – она и есть белка, что мальчик, что девочка. Хвостатая гостья что-то настырно тараторила. Наверное, хотела познакомиться. А может, спрашивала: «Чего ты тут делаешь? Без тебя дуrolомов хватало...» Честное слово, белка даже покрутила лапкой около ушка. Теперь я понял, что это девочка. Только девочки могут быть такими стервочками...

Я нашарил в кармане кусочек сухаря и осторожно положил рядом с мордочкой. Белка отпрыгнула. Но потом принюхалась и схватила сухарик лапками. Дальнейший момент был смазан – мелькнул только кончик хвоста. Только что была тут, и фр-р-р, и нет моей новой подружки. Вот так, даже спасибо не сказала. Точно – девочка. Но не успел я вылезти из палатки, как она появилась снова, а в лапках была – здоровенная еловая шишка! Не хотела быть обязанной и притащила отдарок.

Отдарок оказался слегка лущеным, что, в общем-то, справедливо – сухарик-то тоже не первой свежести. Чтобы не обижать новую подружку, попробовал еловое семечко, за что и был поощрен одобрительным цоканьем. Не скажу, что оно было очень вкусным, но есть можно. А при желании можно и прокормиться, если не в тягость собирать шишки. И к хвойному запаху с привкусом смолы привыкнуть можно...

Шишка-шишкой, но на завтрак хотелось чего-нибудь существенного. Сходил за сушняком и стал разводить костер. Котелок после вчерашнего ужина был грязным, пришлось поковыряться, пока отскреб. На будущее дал зарок – мыть грязную посуду сразу. И заодно – надо бы систематизировать и разложить все съестные припасы, что бы в следующий раз не искать брикеты с кашей по всему рюкзаку.

В лесу костер – первейшее дело. А вот рыжей запах дыма не нравился – запрыгнула на елку и заругалась. Возможно, пыталась объяснить, что еловые семечки полезнее, нежели перловая каша с тушенкой. Видя, что увещевания не действуют, рыжая стряхнула на меня целую лапу снега и убежала. Может, тоже решила позавтракать?

После завтрака решил осмотреть поляну. Не ради желания что-то найти (были следопыты покруче!), а просто так. В конце – концов, сидеть целый день у костра – тут и завывать можно от скуки.

Времени с момента пропажи прошло немало, но следов оставалось много. «Розыскники» натоптали за целую дивизию, а нагадили за всю армию... По счастливой случайности, вчера, в темноте, не вляпался в отходы жизнедеятельности человеческих организмов.

Мне весь этот бардак не понравился. Но выбор маленький – либо смириться и жить, стараясь не наступать на «мины», или, попытаться прибраться. Что там говаривал Маленький принц? Проснулся – приведи планету в порядок!

Среди снаряжения имелась саперная лопатка. Памятуя свое крестьянское прошлое, соорудил черенок подлиннее. Удалось собрать, а потом и закопать все фекалии, а также пустые консервные банки и бычки, разбросанные по поляне. Не знаю зачем, но какашки решил закопать отдельно от банок и бычков.

Уборка так увлекла, что опомнился, когда начало темнеть.

Я как раз разводил супчик, когда к костерку подошла белка. Точнее – и не подошла, и не к костерку. Рыжая подружка меня изрядно напугала, спрыгнув на плечо откуда-то сверху. Одобрительно похлопала меня хвостом, словно поблагодарила за уборку. Я, скосив глаза в ее сторону, браво ответил: «Рад мол, стараться!» Кажется, в ответном цоканье послышалось «Вольно»...

В два последующих дня я вел тихую и скромную жизнь. Умудрился избавить поляну от следов присутствия толпы. Разложил все припасы в строгом порядке. Спальник заправлял. Жаль, похвалить некому.

Дня через три ко мне в гости пришел человек на лыжах. Судя по напряженному виду, красной роже и псевдокожаной куртке – это был местный участковый. Так оно и оказалось. Едва освободившись от лыж, стал свирепо пучить глаза и орать:

– Ты кто такой? Какого, х... тут делаешь? Документ есть?

Можно было бы покочевряжиться, поинтересоваться – а кто ты сам такой, но я не стал. Моя задача – прикинуться чудаком, которому положено чувствовать нюхом представителей власти и, на всякий случай, их бояться.

Документов, благодаря стараниям Виктора Витальевича, у меня было много. Просмотрев, прочитав и, кажется, обнюхав «верительные» грамоты, среди которых было письмо от областной администрации с просьбой оказывать содействие участнику эксперимента, участковый подобрел:

– Ну, что же, ученый... Профессор кислых щей... Ха... Пить будешь?

Не спрашивая согласия, мент вытащил из «командирской» сумки бутылку водки. Я дернулся соорудить закуску, но участковый гордо повел рукой:

– У меня, как в Греции, все есть! А тебе тут еще долго куковать.

В волшебной сумке оказались бутерброды с салом и пара луковиц. Мне только и оставалось, как достать кружки. Мент, четко разлив (можно не проверять), скомандовал:

– Ну, за знакомство!

Выпив и аппетитно захрустев луковицей, соизволил представиться:

– Капитан Зотов, участковый. Можно – Славик. Так что, будем знакомы...

Выпив вторую, Славик потянулся за бутербродом, откусил половину и с набитым ртом сказал:

– Извини, Васильич, служба. Должен был проверить – что тут за человек у меня завелся. Бумажки я твои посмотрел. Про конкурс – читал. Ну, сам понимаю, что конкурс этот и бумажки твои – полнейшая хрень. Да и проверил, кое-что, по своим каналам. Ты уж нас совсем-то здесь за дураков, не считай. После того, что тут летом было – полный аут. И ты такой же кандидат наук, как я балерина.

– Славик, – возмутился я. – Зайди в библиотеку. Там книжка моя, с моей фотографией.

– Хм, – скептически ухмыльнулся Славик. – Может быть, может быть. В детстве я книжки любил читать про Ленина. Как щас помню автора – Зоя Воскресенская. А как-то по телику смотрю передачу. Писательница эта – подполковник ГРУ. Так что, может быть и ты, какой-нибудь майор госбезопасности.

– Вообще-то, когда-то я тоже в ментовке работал.

– А чего ушел? – подозрительно прищурился Славик. Не иначе, заподозрил во мне «оборотня в погонах».

– Сдуру, – честно признался я. – А когда возвращаться надумал, так вроде бы и поздно уже. Мои сверстники уже – кто подполковник, кто на пенсии.

Заслышав о званиях, Славик загрузил.

– Два года в капитанах переживаю. А месяц назад «строгача» получил. Опять майора год ждать... Да еще без премий и надбавок. Думаешь, за что выговор? Вот за эту долбанную поляну, которую я не обеспечил должным контролем.

Славик грустно и длинно выматерился. Мне стало жаль парня, который был ни в чем не виноват. Просто, как всегда, нужно найти стрелочника. Помнится, пришлось выезжать на «огнестрел». Дело оказалось не криминальным, а попыткой суицида. Наш же, милицейский майор, напился в «зюзю», поехал в деревню и принялся стрелять по курам. Добро бы по чужим, а то по тещиным... Утром выслушав от тещи все, что о нем думают, устыдился и стрельнул себе в висок... Правда, промазал. Отделался пулей, засевшей в мозгах, и слегка оглох. Он теперь инвалид на всю голову, а при чём тут начальник, который «не смог наладить воспитательную работу с личным составом» и поэтому получивший «неполное служебное соответствие»? Тем более, что ни одна кура не пострадала?

– Вот, схлопотал я «выговорешник», ни за что, ни про что, – продолжал жаловаться Славик. – И опёр за компанию со мной – почему, мол, нет агентуры? Он что, белку завербует?

Услышав про белку, я поднял глаза и увидел рыжую подружку. Барышня, выглядывая из-за еловой лапы, недовольно морщила носик. Ну, прям как моя жена, если ко мне приходили гости... Вон, помотала головой и исчезла из вида.

Я тоже помотал головой. Вроде, не так уж много мы и выпили...

– А про меня как узнал, – поинтересовался я у Славика, хотя заранее знал ответ. Хотя я и пытался не светиться, когда добирался сюда, но все равно – кто-нибудь да видел.

– Бабки у магазина болтали – мол, на прókлятой поляне человек живет. По уму, то зимой в лес бомжи не полезут. Значит, что-то такое, «жареное». А ты оказывается экспериментатор...

– А почему поляна «прókлятая»? – заинтересовался я.

Славик не спешил с ответом. Подумал, разлил остатки водки. После того, как выпил и разделался с остатками луковицы, закурил:

– Я, сам-то, не местный, – пояснил он. – После школы милиции нужно было куда-то определяться. А тут, как раз и работу и жилье предложили. Уже лет десять здесь торчу. Зарплату повысили, чем не жизнь? Взятки не беру, да и не даст никто. Когда участок принимал, прежний участковый говорил: «Смотри мол, есть тут одно местечко. Во время войны взвод

«энкавэдэшников» пропал. Они сюда беглых эзков ловить пошли. И потом, в пятидесятые и шестидесятые годы бывали случаи». Послушать-то я его послушал, но мне-то что? Пропали когда-то, при царе Горохе, ну и хрен с ним. Мне бы с пьяницами местными разобраться, да с кражами. Так, что, Василич, больше я ничего не знаю. Об этом я уже и рапорт писал и твоим коллегам рассказывал.

Похоже, парень не поверил моим словам и бумагам.

Славик грустно посмотрел на пустую посудину. Размахнулся и выбросил ее подальше. Вот, паразит, а мне теперь эту стеклотару идти искать... Ладно, не развалюсь.

– Еще будем? – сделал я недвусмысленный жест в сторону моего барахлишка. – У меня есть...

– Нельзя, – с сожалением развел руками капитан. – Вечером на «сутки» заступаю. Еще приму, то точно – засекут! А если дежурный засечет, то «вложит». Он у нас такой... Принципиальный. И тогда уже не «строгач», а «неполное служебное» влепят. Как-нибудь потом. Недельки через две загляну. Раньше-то все равно не соберусь. Посмотрю – как там твоя школа выживания! Только сам пропасть или помереть не вздумай! Иначе меня точно уволят.

Славик встал на лыжи, а я остался. Стало немножко грустно. Чтобы не поддаваться депресняку, стал обустривать бивак – рубил деревья, таскал дрова.

Ночью ударил морозец. Как я хвалил себя за то, что нарубил не только сухостоя, сгоравшего в один миг, а более основательных дров. А когда неподалеку послышался вой (волчий или собачий?) поразился, что додумался срубить несколько деревьев и смастерить заборчик. Заборчик – не преграда для волков. Но если его обложить сухим хворостом и поджечь, то до утра хватит. Вой, возможно, собачий (и не возможно – а точно!). Но ночью, в лесу, одному, требуется время, чтобы перестать бояться...

Знающие люди, что проводили инструктаж, говорили, что ночью нужно спать: волк – скотина умная и в палатку не полезет (если, разумеется, не оставлять вход открытым). И брезент прокусить не сможет. Ну, по крайней мере, прокусит не сразу. Когда же начнет грызть – то следует его (то есть волка) бить по зубам саперной лопаткой! Ну, утешили, отцы-командиры... А главное, когда я был в городе и слушал их наставления, то принимал все за чистую монету! Прямо, как моя знакомая почтальонша, уверовавшая, что от бродячих собак лучше всего помогает соль. Если ее на хвост насыпать... Два года таскала в кармане коробок с солью, но на собак так и не наткнулась. Зато однажды соль спасла ее от грабителя. Нет уж, нет уж! Не стоит проверять – прогрызут ли волки брезент (а на палатке и не брезент вовсе, а что-то пластиковое). Лучше посижу на воле, спиной к дереву, что бы сзади не напали, а с трех сторон будет костер!

Костер настраивает на философский лад и сами собой складываются стихи:

Небо зазвездилось,
Звездами опрятными
Елки распушились,
Лапами занятыми.
Мне в лесу не холодно,

Только, очень грустно.
Воют волки рядышком,
Что б им было пусто!

Стихи, с точки зрения литературоведения – абсолютно неправильные. Кто же рифмует прилагательное с прилагательным, а существительное с существительным? Как не умел писать – так и не научился! Ну да ладно, я в поэты не собираюсь. Но мне бы время скоротать.

Надменные звезды,
Устало моргают,
А ели уныло,
Глаза протирают,
Хотел приключений?
Набрал – выше крыши!
Зато – вдохновенье,
Не хочешь, а пишешь!
Голодные волки,
Костер оцепили,
Скорее бы утро,
Глядишь – и свалили б!
И спорить с волками,
Безумное дело.
Не проще ли камень,
В них бросить умело?
Глядишь, разбегутся,
Лесные бродяги,
А мне станет легче,
Без этой бодяги.

Тоже не шедевр. Лучше поразмышлять о вечном. Попытался. Когда дошел до экзистенциализма, захотелось спать. Сожрут? Ну и хрен с ним, со мной, то есть. Пусть жрут, только бы спать не мешали!

За ночь меня никто не съел! Я проснулся, чувствуя себя отдохнувшим. Не чувствовалось даже следов вчерашнего воздействия с полицейским капитаном, тем более, что удалось задушить желание продолжить пьянку одному. Кажется, начал привыкать к лесу – ночью не вскакивал от страха, не принимал вой ветра за разговоры волков. Спалось так сладко, как может спаться в спальном мешке на еловом лапнике.

Встал на зорьке, не лязгая зубами от холода. Растопил костерчик, поставил на него верный котелок, заменявший мне и кастрюлю и чайник. Пока решал – с чего начать – с лапши ли китайской одноразовой, или с пакетика принцессы «Нури», снежок растаял и принялся нагреваться. И тут...

...Из ниоткуда выскочила стая собак. (Правда, потом удалось определить, что собак было три, но это было потом, а пока...) Но все произошло так быстро, что испугаться, просто не успел. Когда подскочил первый, в мозгу сработал какой-то спрятавшийся рефлекс: схватил котелок с закипающей водой и огрел им собаку по носу. Изумленная псина от боли отпрыгнула прямо в костер... Визг был жуткий... Знаете, сейчас, в спокойной обстановке мне стыдно... Но тогда это было единственное решение. Прав был собачник, говоривший, что нос у собаки самое слабое место. Только как исхитриться попасть в него? Попытайся я сделать это специально – не получилось бы!

Собаки действовали, как злодеи в голливудских боевиках. Те почему-то нападали по одному, давая герою возможность драться с каждым отдельно. Когда Жан-Клод Вандам или Чак Норрис укладывали в штабель очередного каратиста, я всегда думал – а что бы произошло, встретиться они с тройкой русских? Уж наши-то точно ждать не станут.

Но второй раз драться было нечем. Тем более, что узрел за собаками мужиков с дрекольем. Рассчитывать на мирные переговоры не приходилось, поэтому пришлось удирать. Благо, и собаки и их хозяева были временно деморализованы визгом.

Здесь и сейчас

...И вот бегу. Куда бежать и, на долго ли меня, хватит – я не знал. Сзади собаки и их хозяева. Потихоньку, расстояние между нами сокращается и, чувствую, скоро догонят.

А потом... Потом мне надоело удирать. Если все равно догонят, так не лучше ли остановиться и подождать? Наверное, против нескольких мужиков и собак меня хватит на минуту. А, плевать!

Когда я принял решение, сразу стало легче. Кажется, вот этот холмик подойдет для последнего боя. Тем более, что спину будет прикрывать небольшое деревце. Что же, у меня появляется шанс продержаться не одну минуту, а три. Теперь – куртка. С одной стороны – ослабит укусы. С другой – сковывает движения. Это хуже. Если собьют с ног, то один хрен ищусают. Значит – куртку долой! Как хорошо, что с утра пораньше я решил подпоясаться. Мой армейский – «дембельский» ремень последний раз использовался двадцать с гаком лет назад. Именно в том же качестве. Только тогда это были не собаки, а мои сослуживцы, более старшего призыва. Самое смешное, что ремень не пришлось использовать. Хватило того, что просто помахал.

Две недели назад

– Товарищ полковник, а как с оружием? Дадите? – нарочито-небрежно спросил я, помещивая ложечкой в одноразовой чашке.

По законам жанра, Унгерн должен был открыть сейф и выдать мне большой черный пистолет с парой обойм. Или, объявив о том, что лишнего оружия у него нет, снять с пояса именной ПСМ. Ну, на самый-самый худой конец, вытащить откуда-нибудь трофейный «манлихер» или революционный «наган». Но он глянул на меня как на больного и просто спросил:

– А зачем?

С ответом я немного замялся. Действительно – зачем? После глотка кофе, пришла идея:

– Ну, вы же сами говорили, что там медведи водятся. С оружием как-то спокойней...

– Олег Васильевич, – укоризненно выговаривал мне Унгерн. – Вы же бывший сотрудник милиции. Где я оружие-то найду? У нас ведь – та же система. У офицеров табельное оружие хранится в дежурной части. Выдают его только на стрельбища, да на задания. На постоянное хранение пистолеты только оперативникам да спецназовцам положены. А «внештатникам», то есть агентуре, оружие никто не даст. На каком основании? «Левый» ствол, допустим, найти можно. Но опять же, только в том случае, если мы будем уверены, что без него не обойтись. А у нас с вами какая задача? Разведка. Знаете, настоящий разведчик это тот, который боится.

Посмотрев на мою оттопыренную губу, полковник усмехнулся:

– Оружие – штука хорошая. Но из-за него возникает самонадеянность и желание его применить. Померещится что-нибудь, начнете палить. И себя выдадите и задание сорвете. И потом, мы уже решили, что вы не будете брать никаких технических средств. Да-да, в том числе и оружие. И, вот еще, не берите с собой ни газового, ни пневматики. На кого? Хулиганов в лесу вряд ли встретите, а от медведя все равно не отобьетесь. Вас даже охотничье ружье не спасет, потому что стрелок вы, только не обижайтесь, наверняка никакой. Разве, что «Калашников», с подствольным гранатометом. Но опять же, без тренировки сами себя угрожаете. Лучше костер лишний раз зажгите. А на человека случайного дубинку под рукой держите. У нас на сборы еще целых два дня. Пару приемов показать успею, а дальше – сами потренируетесь.

Здесь и сейчас

Нападения ждал часа два. За это время преследователи уже должны были меня настичь, но почему-то они этого не сделали.

Подождал немного и решил вернуться к лагерю. Надоели! Не хотите нападать, так и черт с вами. Сейчас сам приду!

Уже темнело, поэтому идти пришлось быстро. Сколько же я отмахал, с перепугу? Получается, километров пять. Завидел возвышенность, ставшую за две недели родным домом, обрадовался. И никакого намека на моих недавних лиходеев. Исчезли. Вот только... Вместе с ними исчезла моя палатка и все остальное: спальник, продукты, котелок. Самое прикольное, как говорят детки, исчезли и все запасы дров!

Первая мысль – а туда ли я пришел? Может, что-то перепутал? Но нет. Вот кострище. Еловые лапы, на которых лежал спальник. Вон, наконец, слегка подтаявший сугроб, из которого торчали следы моей «микроцивилизации» – пустые банки и прочие детали. Следы – только мои и ничьи более. Никаких собачьих, или человеческих отпечатков не было. Дела! Наверное, можно и нужно было немного покататься по снегу, поматериться. Глядишь, снял бы шок. Но выть и материться, на ночь, глядя, глупо. И хрен с ним, с инфарктом, от упрятанных эмоций, но дрова нужны позарез!

В бешеном темпе стал таскать хворост. Наверное, собрал весь сухостой в округе. Теперь – поджечь. Хорошо, что я курю! Спички всегда в кармане.

Огонь принес некое успокоение. Но захотелось есть. Не то, что бы очень сильно. Но от кружки чая с сухарями я бы не отказался. Увы, ни чая, ни кружки, ни котелка. Еще хорошо, что осталось полпачки сигарет. При разумной экономии до утра хватит. Можно посидеть и подумать, обмозговывая вечный вопрос: «Что делать?» Самым приемлемым вариантом решения вопроса – делать ноги. Пересидеть, как-нибудь, эту ночь. А утром идти к шоссе, ловить попутку и возвращаться в Грязовец. Там родственники, которые дадут денег на обратный билет. Доберусь. Хуже, что вместе с деньгами пропал и паспорт. Наверное, стоило таскать деньги и документы с собой, а не хранить в кармашке рюкзака. Но утрата документов – не самое страшное в этом мире. Тем более, что нахожусь на родной территории и паспорт вряд ли кто-нибудь спросит. А если и спросят, заберут в отделение – пожалуйста! Выясните мою личность. Человек я законопослушный, так что выпустят через пару часов. А потом напишу заявление, заплачу штраф и получу новый «двуглаво-орлиный»...

Ночь провел в полудреме. Откидывался на деревце, кемарил по десять-двадцать минут. Потом вскакивал, подкидывал в костер веток и снова отключался. И так всю ночь. Пару раз ко мне приходил кто-то – то ли снежный человек, то ли леший. Подсаживался к костру и пытался убедить меня в том, что пора возвращаться. «Скоро снег начнет таять. Днем будет тепло и сыро, а ночью холодно. Без еды, палатки и спальника тебя надолго не хватит» – шептал он мне гнусным голосом, а у меня не было сил даже бояться. Просто отмахивался. Наконец, посетителю надоело меня уговаривать, и он исчез. И чего уговаривать-то, если я все равно решил уходить? Кажется, этот лесной гад утащил остатки моих сигарет. И спички пропали! Значит, не просто гад, а сволочь.

Утром проснулся «никакой». То есть, злой и голодный. Жутко хотелось горячего кофе и сигарету. Но готов был согласиться на чай и папиросу. Да, чего уж там, на «козью ножку» из старых чинариков и кипятков. Кипяток-то – самое реальное! Решил, что вначале, перед дальней дорогой, неплохо было бы попить горяченького! А воду вскипятить можно и в банке.

За последнее время ходить за дровами приходилось все дальше и дальше. Или сухостой заканчивается, или лес все дальше от меня уходит. Пока дошел, пока собрал. Ну да, конечно же, когда вернулся, то обнаружил, что мой костер потух! И потух он, паразит, не сам-собой... Да и дрова за такое время не могли прогореть. Но на том месте, где десять минут назад горел костер, возвышалась шапка снега...

Умный человек, на моем месте, пошел бы к дороге. А я... Пару раз выругался и решил, что никуда не пойду.

По примеру героев книг, стал проводить инвентаризацию имущества. Времени это заняло немного.... Обшаривая карманы в поисках спички, наткнулся на что-то твердое. Да-да! В полу куртки была зашита маленькая коробочка. Как же я о ней забыл! Один из подчиненных полковника говорил, что в куртку они вошьют «несессер путешественника». Что это такое я не знал. Со словом «несессер» ассоциировались косметические принадлежности, уложенные в футляр. Вошьете, так вошьете. Что мне, жалко, что ли?

Три недели назад

– Олег Васильевич, это ваш инструктор Валерий Николаевич. Он ознакомит вас с основами техники выживания, – официально заявил мне Виктор Витальевич, указывая поведя дланью в сторону невзрачного человека в спортивном костюме и старомодных кедах. – Пожалуйста, отнеситесь серьезно к его словам. Он у нас зубр старый. В каких только краях не бывал, какие только гадости не ел.

Старый «зубр», комплекцией напоминавший тычинку, выдал мне общую тетрадь с грозной надписью «Для служебного пользования». Более того – листы были прошиты и пронумерованы! Когда-то в таких тетрадях мне приходилось записывать лекции по Оперативно-розыскной деятельности. А что теперь? Буду описывать приемы обустройства берлоги? Или методику изготовления бомб из еловых шишек?

– Прежде всего расскажу о стандартном снаряжении, куда входит в обязательный комплект, – незамедлительно принялся инструктировать меня инструктор. – А потом решим – что брать, а что нет. Вам это все лучше записать. Итак, в багаже путешественника, который может оказаться в автономной среде должно быть: швейный набор, пассатижи с кусачками...

– Пассатижи? – растерянно перебил я инструктора. – В лесу пассатижи?

– Оч-чень полезная вещь, – многозначительно, будто военную тайну, сообщил Валерий Николаевич. – Молнию на штанах закрепить, крючок из гвоздя сделать, инструмент какой починить... Ну и много другое. Усекли?

– Усек, – кивнул я с видом неофита, приобщившегося к главной тайне храма.

– Прекрасно. Идем дальше. Вам понадобится вошенная нитка, складной нож, пила-перетяжка, саперная лопатка, ярко оранжевое сигнальное полотнище. Правда, – хмыкнул инструктор, – сигнальное полотнище в условиях русского леса, да еще зимнего, поможет мало, но оно может сгодиться для чего-нибудь другого. Палатку прикрыть, подстилку перестелить. Или – волокушу сделать, чтобы дичь или дрова таскать. Рыбная снасть вам не понадобится, но запишите. Возьмете небольшое точило, компас, зеркало, четыре свечки-плошки, микрофонарик, запас батареек, зажигалку, кремь и огниво. Далее – большая английская булавка, метров двадцать нейлонового троса...

– Чтобы повеситься? – пошутил я.

Всегда злился на молодежь, начинавших стебаться на моих лекциях, а вот, сам не удержался.

– Ну, чтобы повеситься, хватит и одного метра, – не моргнув глазом, уточнил инструктор, – а трос может пригодиться для изгороди, для спуска. Впрочем, веревка – такая вещь, что лишней не будет. Да и места она много не занимает. Итак, далее идут продукты – мультивитамины, шоколад (лучше наш, отечественный), яичный порошок (его можно есть и сухим, и со снежком пойдет за милую душу), сухое молоко. Это то, что в обязательном порядке. Кстати, присоветовал бы взять мышеловку.

– А ее-то зачем?

– А для чего берут мышеловки? – удивился наставник вопросу. – Мышей ловить. Неприятно же, когда мыши бегают. Это во-первых, А во-вторых...

Тут в наш разговор вмешался полковник:

– Да-да, во-вторых, Олег Васильевич, когда есть захочется, мышка за деликатес сойдет... И не фыркайте, как девица на паука. Неплохо бы еще узнать, как правильно мышей ловить. – На фиг! – твердо заявил я. – Что я, кот?

– Вспомните потом мои слова. А кости можно для чего-нибудь использовать. Можно иголки смастерить. А можно и наконечники для стрел сделать. Так что, зря отказываетесь, – пожал Унгерн плечами и кивнул инструктору: – Извините, Валерий Николаевич...

– По поводу еды, – продолжил инструктор. – Не увлекайтесь консервами. И тяжело и не знаешь, что там запихано. Это раньше – снабдили бы мы вас армейской тушенкой. А теперь консервы такие, что неизвестно, из каких зверей их делают. Да и отравиться недолго. Лучше брать суповые пакеты и сублимированную пищу. Чем больше, тем лучше. Надоедят они вам до изжоги, но сыты будете. Все записали? Мы на всякий случай еще опись имущества сделаем. Но вы проверьте все сами. Ну и само-собой – зашьем куда-нибудь «последний патрон» – несессер.

Здесь и сейчас

«Несессер путешественника» почти ничего не весил, потому-то я и не обращал на него внимания. Но, по закону подлости он был завернут не только в полиэтилен, но и в ту самую опись, где перечислялись мои исчезнувшие богатства... Лучше не читать...

Часть вещей была жизненно важна, а часть... Внутри лежало (перечисляю!): десять спичек с обрывком серной бумажки, свечка-плотка, зеркальце, леска с крючком и грузилом, лезвие для ножа, полиэтиленовый пакет. И нечто, напоминающее цепочку, но с заостренными звеньями. Вероятно – это «нечто» являлось той самой пилкой-перетяжкой, о которой я слышал, но никогда не видел.

После третьей попытки и кубометра сломанных веток, получилась пила-лучевка. Столяр бы руки оторвал... Но мне до этого было как-то ... параллельно. Невзирая на «неэстетичность» инструмента, удалось спилить несколько небольших осинков. Это куда лучше сухостоя и елового лапника, сгоравших в один момент.

Когда на полянке появился мой лучший друг – костер, то вместе с теплом пришла воля к жизни и желание перекусить. Еще больше хотелось пить. Подавив желание вгрызться в снег, пошел по лагерю, разыскивая консервные банки. К счастью, я их складывал в другом месте, нежели... Если бы все лежало вместе, то и не знаю, сумел бы преодолеть брезгливость... А может быть, и сумел. Человек – такая скотина, что многое может.

Вместе с пустыми жестянками нашлись использованные чайные пакеты. Один раз заварил и выбросил... Аристократ, блин. А уж когда нашел изрядное количество «бычков», то жизнь показалась не такой уж плохой. Порадовало, что банки имели этикетки. Подмокшие, правда. Не страшно, высушу, а бумага вещь нужная!

Набив снегом сразу пять банок, поставил все это на костер. Едва-едва дождался, пока вода закипит. И хотя «чай» пованивал тушенкой, мне он показался лучшим напитком в мире. Юагиры, вон, всю жизнь пьют чай с жиром – и ничего!

После чая создалось впечатление сытости. Вот только, надолго ли? Жаль, что парни полковника не положили в «несессер» пару галет. Места бы хватило. Говорят, без еды человек способен жить сорок дней. Вполне вероятно. Но почему-то ставить такие эксперименты на самом себе не хотелось. А вот кушать – напротив.

«Может, шишки пособирать?», – вспомнил я о подарке рыжей подружки. Сама она не появлялась. Понимала, что лучше ей пока не «светиться». Жаль, что белочка – это не большой заяц. Но на пару супов хватит... Эх, что-то я отвлекся. Рука не поднимется на эту вертихвостку. Лучше пойти и заняться делом.

Найти в лесу шишки проблемы не составляло и скоро у меня было налущено две полные банки. Поел их сырыми, а потом решил сварить. Если бы не еловый привкус, супчик был бы

просто замечательным! В смысле – дрянь, несусветная, но есть можно! Ну, а если бы еще соли и хлеба. Хотя, если бы был хлеб – на хрена было бы есть супешник из шишек?

Специалисты по выживанию считают, что лучшее жилье это то, что приготовила природа: пещера, вывернутое дерево, небольшой овражек и так далее. Ничего подобного в радиусе пары километров найти не удалось. Наткнулся на одно место, подходящее – шикарный сугроб, из которого торчал корень крупной ели, но вовремя понял, что оно уже занято – из небольшого отверстия в сугробе валил легкий парок. Может, под снегом бьет родник, но скорее всего там спит медведь. Если спит – ну и пусть себе спит. Говорил же Унгерн, что подняли трех медведей. Странно, что в одном месте три берлоги. Ладно, я не охотовед, чтобы подсчитывать медвежье поголовье. К тому же, никто не говорил, что медведей поднимали только здесь.

Вернулся на старое место и уже часа через два обживал небольшой шалашик. Вигвам получился неказистым – индейцы бы за такую работу сняли с меня скальп. На соединение веток и палок ушла вся леска. Конечно, если бы рядом была речка, то придумал бы что-то другое для ее применения. А так – зачем мучиться? Еловых лап на шалаш жалеть не стал. И пусть внутрь можно войти лишь на четвереньках, ну и что? Главное – тепло.

Остаток вечера потратил на изготовление изгороди. Как-то довелось наблюдать, как старший брат впервые в жизни плел корзину. Получилась она так себе, страшненькая. А изгородь вышла еще хуже... Ну, уж какая есть. Осиновые колышки, вбитые прямо в снег, а между ними все тот же еловый лапник. Появилась иллюзия, что стало теплей и не так страшно. Поверьте – это не так уж мало...

Ночь провел прекрасно. Спал, как убитый. Костер не потух, потому что вечером догадался сделать вокруг него сруб. Позавтракав горячим «супом» из шишек, осознал, что сегодня они уже не казались такими вкусными. Надо бы придумать, чем разнообразить скудное меню, но фантазия дальше каши из березовой коры не шла. Но при зрелом размышлении решил эту идею пока оставить. Усилил костер и отправился в лес, на поиски съедобных растений.

Три недели назад

– Итак, Олег Васильевич, – зашелестел мой инструктор листочками конспекта. – Тест растений по методу американского спецназа.

– Тест? – не понял я.

– Тест на съедобность, – пояснил он. – Записывайте. Разделить растение на составляющие – корень там, ствол, листья, ветки, цветы. Что там еще?

– Пестики с тычинками? – предположил я.

– Нет, – веско высказался Валерий Николаевич. – Ягоды!

– А-а...

– Перед тестом нельзя есть восемь часов. Потом – обнюхать каждую часть растения. Если есть кислый или резкий запах, лучше отказаться сразу. Тестировать каждую часть отдельно, потому что корень может быть съедобным, а ягоды – ядовитыми.

– Как у картошки, – проявил я эрудированность.

– Типа того, – согласился Валерий Николаевич. – Слушайте дальше. Положите кусочек на сгиб локтя и подержите пятнадцать минут. Если нет жжения или раздражения – продолжаем. Подержите три минуты на губе. Опять же, прислушайтесь к себе – есть жжения или неприятные ощущения. Если все нормально, то возьмите растение в рот и подержите его там 15 минут. Глотать нельзя!

– А дальше? – откровенно заскучал я.

– Теперь разжевать и минут пятнадцать ждать. Если нет отрицательного результата – можно глотать. Но! Ждем еще восемь часов. Если стало плохо – два пальца в рот и вызвать рвоту. Пить только воду! Опять-таки – это еще не все. Если не отравился – можно съесть половину растения и выждать восемь часов. Это и будет окончанием теста.

Закончив с алгоритмом тестирования, инструктор облегченно вздохнул. Чувствовалось, что ему самому подобная «научообразность» казалась глупой.

– Валерий Николаевич, – задумчиво спросил я. – А как на самом деле происходит? Ну, неужели голодный спецназовец будет проверять растение сутки?

– В Штатах – все по науке. Ну, а у нас... – многозначительно прищурился «зубр».

– Назначают «добровольца», который лопает все подряд – и пестики, и цветочки и прочее. А потом смотрят – умрет или нет. Так?

– Именно, – засмеялся инструктор. – Хотя, вообще-то, ждут только рвоты. Потом все дружно ставят клизму... Но вы-то там будете один... Вывод?

– Руководствоваться тем же принципом, что и с грибами – если что-то смущает – лучше не жрать! Клизму мне ставить некому.

– Умница, хоть и кандидат наук! – порадовался инструктор. – Значит, есть и среди вашего брата дельные люди.

– Польщен, – скромно поддакнул я, радуясь комплименту матерого зубра.

– Ну, а если совсем приспичит, то клизму можно и самому себе поставить, – оптимистически обнадежил меня Валерий Николаевич. – Главное, ведь что? А главное – задницу на нужную ширину раздвинуть.

Я так и не понял, что он имел в виду...

Здесь и сейчас

Обнаружил недалеко от бивака заросли крапивы. Крапива – растение, которое с другими не перепутаешь. А уж проводить какие-то дурацкие тесты... Конечно, травка была изрядно почерневшей – успела уже не один раз оттаять и замерзнуть. Но все-таки, некоторые листья смотрелись прилично. Набил ими полиэтиленовый пакет из той же волшебной коробочки, сварил суп. Сказать, что получилась гадость – это вообще ничего не сказать. Но съел! Правда, суп этот впрок не пошел... Сразу же прихватило живот. От серьезного конфуза меня спасла черемуха. Памятуя, как в детстве меня лечили от расстройства желудка, надрал (ну, нарезал) немного коры и зашпарил ее кипятком. Горькая, но помогает здорово! (Забегая вперед, скажу, что в первый раз крапива была плохо проварена.) Это свежую майскую травку можно особо не мучить. Она – мягкая, нежная. И варить долго не надо – минуты три-пять. Впрочем, когда наловчился, то и прошлогодняя получилась вполне терпимая. Главное, что листья нужно истереть как можно мельче и варить не меньше часа. Есть сразу, «с пылу-с жару». С вареной крапивой хорошо сочетается сердцевина репейника – мельчишь и – в суп! Она разбухает и по вкусу напоминает макароны не очень высокого качества. Но в условиях, когда любые макароны – райское блюдо, сойдет и не такое. Корень репейника (или лопуха) легко вытаскивается из земли. Его нужно лишь слегка почистить и помыть. Варить вместе с крапивой. Когда размягчится, вытащить и остудить. Можно есть вприкуску. А если уж вы совсем замучились без соли, то присыпьте вареный корень золой из костра.

Следующей находкой была рябина. Правда, большая часть оказалась подгнившей и полусъеденной. Ничего удивительного – на дворе март. Но даже из того, что удалось выбрать, получился такой славный компот! Скажу прямо – скулы сводило, но было безумно вкусно. А уж витаминов столько, что прямо кишат!

Так прошло две недели. С голоду не умер. Но все же. Подножный корм в снежном лесу – не лучшая еда. Как ни набивай брюхо, через два-три часа опять хочется есть. Может быть, то, что я ел, было очень питательным и полезным. Тяжело было чисто психологически. Помнится, когда я служил в армии, у нас смыло мост и на три дня наша часть осталась без хлеба. И, как не извращались повара и отцы-командиры, разрешившие кормить личный состав «от пуза», еда в рот не шла...

Еда в лесу была. Бегала, прыгала, летала и скакала. Нахальные зайцы пробегали мимо по несколько раз в день, а то, что они еда, игнорировали. Один наглец покусился на мою крапиву. Заметьте – самому сходить и пощипать, ему было «в лом». Непременно нужно сунуть свой клюв в пакетик с листьями! Едва отогнал гада. Обидно – до чего же дожил, если и зайцы ни в грош не ставят?! На мышей я тоже был согласен, но они не ловились: либо совсем не показывались, либо, при моем появлении прыгали обратно в норку. А сверху постоянно что-то трещало, каркало и чирикало. Попытался изготовить лук со стрелами. Через два дня непрерывной стрельбы научился попадать в воробья. Но то ли стрелы без наконечников оказались слабыми, то ли выстрелы, но кроме возмущенного чириканья других результатов не было...

От недоедания впал в отупение. Нет, ноги волочились нормально, в обморок не падал. Было другое. Все, что меня волновало, – это костер и еда. Костер и еда. Стал забывать о доме. Даже о том, что я, в конце-то концов, кандидат наук, автор полусотни статей и трех монографий. И что в лес явился не ради экстремальных ощущений, а ради конкретного дела. Однажды, лежа в шалаше, поймал себя на мысли, что нужно заснуть, а просыпаться – так и вовсе необязательно. А еще... Может быть, взять остатки лески и... Пенсия семье уже обеспечена. Чего, спрашивается, дурую маяться? Устал. Опять стали проходить на память обрывки разговора с полковником. Что там, насчет пенсии-то он говорил?

Две недели назад

– Виктор Витальевич, – нерешительно начал я. – Нужно решить еще ряд вопросов.

Умница Унгерн «врубился» сразу:

– Материальных? Это – само собой. Мне выделена определенная сумма. Немалая. Вы получаете на подготовку своей э... скажем так – экспедиции. Заметьте – без всяких авансовых отчетов. Ну, конечно расписку-то написать придется, а иначе – как я докажу, что истратил деньги на агента, а не прогулял их в кабаке? У нас с этим строго. Естественно, что будет полностью компенсирована ваша временная безработица. Семья в накладе не будет – это я гарантирую. Тем более, что часть продуктов, что вам подвезут – сахар, крупы там всякие, кое что из консервов, шоколад, они длительного хранения. А того количества вам в лесу не понадобится. Я с таким расчетом и заказывал. Конечно, не обо что, но хоть какое-то подспорье семье. Да и деньги, наверное, сумеете рассчитать так, чтобы что-то осталось для дома. Это уж сами решайте.

– А в случае самого плохого? – настаивал я. – Я могу пропасть без вести. Можно ли рассчитывать, что семья получит пенсию? – А вот тут сложнее, – не стал кривить полковник. – Кое-что можно сделать. Вас оформят как... Вернее, вы уже оформлены. Ну, вы поняли... Как внештатный сотрудника. Увы, другой возможности нет. Это – примерно половина лейтенантского оклада. Немного. Вам же не будут доплачивать за «звездочки». Но есть кое-какие надбавки – пайковые там, премиальные. Их я выпишу побольше.

– То есть, в случае моей гибели, семья получает пенсию в размере четверти оклада? – загрустил было я. Но потом, когда прикинув, что четверть «ихнего» оклада – это больше, нежели половина моего учительского, положенного за потерю кормильца, повеселел. От мудрого начальника перемена в настроении не укрылась.

– Вообще-то, перед заданием не принято настраиваться на грустный лад, – строго посмотрел на меня Унгерн. – И размышлять о пенсии. Хотите, еще немного утешу?

– Хочу. И даже очень.

– Ваша семья получит единовременное пособие в размере 100 окладов. Как семья погибшего при исполнении. Да и от основного места работы будет начисляться государственная пенсия. Наша же будет идти неофициально, из специальных фондов. Правда, выплачивать ее будут только до достижения вашей дочерью совершеннолетия или, если она поступит в вуз, то до окончания учебы. И, вот еще. Скажу лично от себя – мы (подчеркнул он) – семьи сотруд-

ников в беде не бросаем. Дочка и школу закончит, и с вузом поможем. Но, сами понимаете, всю жизнь ей никто помогать не будет.

Здесь и сейчас

Вот такой подход к делу мне нравился. И я сам себе нравился. Даже пускаясь в авантюру, думал о близких. А тут все – как по нотам. Замечательно. Хотя, если уж честно, мне вовсе не хотелось, чтобы моя семья получала пенсию, пусть и двойную... Лучше жить на скромное учительское жалование, что хватает на хлебушек с маслом. А уж на ветчину как-нибудь еще подработаю...

«А на хрена мне мучиться? – пришла вдруг в голову мысль. – Пенсия семье будет. А может, даже выгоднее, если девчонки будут пенсию получать?» Тут я поймал себя на том, что это – не мои мысли. Да-да. Чужие. Суицидальные наклонности обычно проявлялись лишь с глубокого похмелья. Когда болит голова и мучительно стыдно за «вчерашнее». Но желание умереть – оно всегда было только теоретическим и очень быстро исчезало, стоило мне подумать о том самом кольце царя Соломона... А тут... Уж слишком реальные картинки выдавало мое воображение. Но в гипноз и потустороннее влияние на подсознание я никогда не верил. Значит – мысли все-таки мои. Только почему они так упорно возникают?

Вначале это меня испугало. Потом разозлило. Нужно было сделать что-то такое, что поможет избавиться от глупостей. А что сделать? Или с помощью чего? Принялся затачивать лезвие. (Рукоятку так и не сумел приделать.) Вместо оселка задействовал угол бляхи, а потом выправил кромку на ремне. Поставил на угли банку со снегом. Пока вода грелась, предпринял еще одну поисковую операцию. С большим трудом разыскал банку из под тушенки, на стенках которой оставалось немного жира и подогрел ее. За неимением пенки для бритья... Стал бриться. Тут мне и пригодилось маленькое зеркальце из несесера. Ну, должно же оно было для чего-то пригодиться? Подозреваю, что в «тревожный» несесер его положили для другой цели. Например, определить, жив ты или мертв. Приложил к губам... Если запотели, значит дышишь. Значит живой... Маразм. Либо пускать зайчиков, вызывая помощь. Хотя, очень смутно представляю, как можно изобразить «SOS» с помощью зеркала? Три длинных зайчика, три коротких и еще три длинных.

В лесу (в мартовском, или апрельском?) темнеет быстро. Едва лишь принялся за бритье, как в крошечном зеркальце вместо моего небритого рыла стало отражаться черт-те что. Не буду описывать весь процесс. Все урчания и мычания. А также обойму нелитературных словес. Мужчины меня поймут. А остальным объяснять глупо – попробуйте побрить свои подмышки столовым ножом... Но зато, теперь я знаю, какую пытку можно применить к полковнику Унгерну... Попадись он мне пьяным и связанным.

После «бритья» решил помыть голову. Поставил на костер все свои банки – целых восемь! До кипения воду доводить не стал. Просто, когда она становилась теплой, выливал ее на голову.

Не знаю, что уж там мне удалось вымыть, но это не главное. Главное, что после бритья и мытья почувствовал себя не ходячим овощем, а чем-то иным... Может быть, даже человеком, занимающимся нужным делом. Эх, для полного счастья не хватало лишь поменять белишко. Будь у меня хоть какая-нибудь тряпка, то соорудил набедренную повязку. Надевать спортивные штаны на голую задницу? А впрочем, впрочем... У меня же есть пакет! Таскать крапиву и прочие «лакомства» можно и в карманах. Так что, пакетом можно пожертвовать. Разделил его на две половины. Из одной получились вполне приличные подгузники. Теперь – а в чем стирать? А стирку можно устроить в ямке, ежели туда положить остатки пакета. Я гений! Можно бы еще и помыться. Или, хотя бы обтереться снегом. Конечно, теоретически это можно было сделать. Но моего мужества хватило только на то, что бы снять с себя штаны и обернуть чресла импровизированным подгузником.

Хуже всего было выкопать ямку. Вначале я попытался сделать это в земле – благо, что снег был основательно утоптан. Но копать маленьким лезвием было неудобно. Тогда я плюнул и соорудил «тазик» прямо в снегу. Самое забавное, что у меня получилось!

Остаток вечера провел не в тяжких раздумьях, а при деле – сушил над костром трусы, а заодно и волосы. Волосы высохли гораздо раньше. А вот с бельем пришлось помаяться. Оставить его над костром – можно спалить. Да и «подгузник» оказался не очень удобным. Из-за пленки все то, что ниже пояса стало мерзнуть. Не помогал даже костер. Хотел натянуть трусы влажными, но не рискнул. Только простуды мне и не хватало. Так и сидел, чуть ли не полночи, переворачивая свою тряпочку то так, то эдак. Лег спать уже под утро. Но лег уже совершенно другим человеком!

Утром по моему шалашу кто-то промчался, да так, что он зашатался. Умудренный опытом последних дней, я вылетел из своего логова быстрее, чем новобранец из койки. Обнаружилось, что вернулась моя подружка. Белка лукаво посмотрела на меня, сделала изящный пируэт, а потом запрыгнула на изгородь. Увы. Мое оборонительное сооружение оказалось непрочным. Один колышек опасно накренился (наверное, подтаял!), еловые лапки начали выскакивать. Под тяжестью грызуна все сооружение благополучно рассыпалось. Виновица происшествия быстро запрыгнула на дерево и что-то мявкнула. Наверное, высказалась о моих хозяйственных умениях и навыках. Сама бы попробовала!

Рыжая плутовка, между тем, проскакала по ближайшим деревьям, пересчитала все ветки и быстренько провела ревизию шишек. Осмотром осталась удовлетворена, поэтому вернулась ко мне. Увы, угостить ее мне было нечем. Даже наоборот – первая мысль была не об угощении для белки, а об угощении из белки... Но, глядя на ее мордашку, умилительную улыбку, все коварные планы куда-то улетучились. А еще, она так замечательно цокала. Попытался скопировать, но куда там. А белка еще и издевалась над моими потугами. Что же делать, если никогда не имел способностей к иностранным языкам. Но белка белкою, но нужно думать о более насущном. О завтраке, например. Крапивно-рябиновая диета уже порядком осточертела. Надо бы сходить на разведку до ближайших берез. Все-таки, надо проверить – можно ли есть березовую кашу. Или это только метафора несчастной жизни? Проверим!

До березок дошел без осложнений. Выбирал самые тонкие. Когда ободрал несколько слоев бересты, из-под них выглянула нежная кожица. Ну, прям, как у девушки... Было стыдно портить такую красоту, но... Пока брел обратно – пытался придумать, как ее готовить? Кажется, в какой-то книге описывалось, что нужно ее мелко-мелко нарезать и истолочь. Надо бы придумать – чем толочь...

Нельзя расслабляться в снежном лесу. Хотя... Будь я хоть трижды собранным – это не спасло бы меня от той проклятой ямы, которую под снегом разглядеть было невозможно. А интуиция (зараза!) не сработала. От боли из глаз посыпались искры. С большим трудом вытащил ногу и попытался на нее встать. Новая порция боли, искр, а также слез и соплей. Когда отдышался, понял, что придется возвращаться ползком.

Обратный путь показался гораздо длиннее. Ползти мешало все – снег, ветви. Даже собственные следы. В одном из следов я на что-то наткнулся. Разгреб снег и узрел, что это небольшая, но довольно увесистая коробочка. С двух сторон шла ярко-красная надпись «Аварийная». Кажется – она была в моем багаже. Может, еда? Аварийный запас: шоколад, галеты, тушенка и сгущенка. Может быть, даже пачка сигарет. Хотя – это было бы чересчур. Едва удержался от искушения, чтобы не вскрыть ее на месте. Ползти и тащить было не очень удобно. Пришлось бросать коробку впереди себя, подползать и снова бросать.

В лагере (хотя какой это лагерь?) я тотчас вскрыл коробку. Увы. Вместо вождельных консервов там оказалась ракетница и две ракеты. Там же лежала записка, отпечатанная на принтере жирным шрифтом: *«Олег Васильевич. Если будет совсем плохо – выпустите красную ракету. Если все в порядке – зеленую. Стреляйте ночью или вечером».*

Подписи, «старый чекист», конечно же, не оставил. Но зато уточнил, что стрелять надо «вечером или ночью». Это вообще – в духе мудрых наставников позаботиться об особо «одаренных»...

Хотя я был разочарован отсутствием еды, но душа начала петь. Совесть моя чиста. Я провел в лесу месяц. Ровно столько, сколько мы и договаривались. Итак, вечером я запущу красную ракету. А как, кстати, ее заметят? И кто заметит? Хотя, полковник мне говорил что-то о специальном спутнике. «Кому надо – те и заметят!» – решил я.

Итак – я стреляю! Информация со спутника (звонок!) в дежурную часть (вряд ли напрямую полковнику) поступит немедленно. На дорогу ко мне понадобится несколько часов. Значит, меня вызволят не раньше завтрашнего дня. Или – вечера. Но это уже сущая ерунда. Завтра меня наконец-то накормят нормальной едой. Я вымоюсь в ванне и лягу спать на настоящие простыни. Ну что же, до вечера еще время есть. Прежде всего, внимательно осмотрел ногу. Кажется, ничего страшного. Пальцы шевелятся – значит, перелома нет. На вывих тоже не похоже. Похоже на обычный ушиб. Внутренне вздрагивая, приложил мокрого снега. Боль отступила. Но нога стала мерзнуть. Пришлось прекращать самолечение и прятать ушибленную лапу в валенок. Утешил себя тем, что вместо этой ямы мог оказаться капкан. А березовую кору, как оказалось, я дотащил. Изрезал ее на очень маленькие кусочки. Уже отработанным движением поставил на костер несколько банок. Одна – кастрюля, а другая – кружка. А из других просто подливаю воду. Снег, как известно, занимает объем гораздо меньший, нежели вода. Полузабытые сведения из школьного курса физики удалось проверить опытным путем. Значит, я еще не безнадёжен.

Варил кору достаточно долго. Кажется, проварил! Но есть трудно. Молодая кора оставалась жестковатой, как старая подошва. Так, что, рекомендую кору все-таки отбивать, как следует.

Набив желудок и, запив чаем, настоящим на рябине (чайные пакеты использовать было уже бессмысленно) я задумался. Находка аварийного ящика добавляла еще одно звено в странную цепь. События выстраивались так, что мне не оставалась выбора. Точнее – кто-то пытался оставить мне единственный выбор – убраться из леса. Теперь, даже если вернусь несолоно хлебавшим, будет что доложить полковнику. Но мне почему-то стало интересно – а что же еще произойдет? И, подчинившись какому-то пьяному азарту, будучи в трезвом виде, здравом уме (ну, как мне казалось!) бросил весь аварийный ящик в костер. Еле-еле успел упасть. Ракеты в небо не ушли. А головешки от костра разбросало на несколько метров...

Итак, путь к отступлению отрезан. Никто меня вытаскивать не будет. И, как на грех, нога разболелась так, что ступать я не мог. Оставалось одно – залечь в шалаше и ждать. Если просто лежать, экономить силы, то минимум на неделю меня хватит. Надеюсь, что за это время полковник все-таки пошлет за мной спасательную экспедицию.

Увы, ночью я еще раз убедился, что апрель в наших краях – это еще зима. И мыться лучше в бане, потому что температуру под сорок можно определить без градусника. Хорошо, если это обычная простуда. Но скорее всего, речь идет о гриппе или воспалении легких. Значит, недели у меня не будет, а тридцать километров мне просто не дойти. Все-таки, как глупо завершился мой эксперимент. Привет полковнику!

Но просто так складывать лапки не хотелось. Вспомнился рисунок, который я как-то видел в автобусе: аист глотает лягушку, а та изо всех силенок сдавила ему горло задними лапками. И подпись: «Никогда не сдавайтесь!» Значит, завтра, с утра пораньше, мне нужно отправляться в путь. Двадцать километров? Или тридцать? Да и не хрен ли сколько! Пусть даже и с больной ногой, и с температурой.

Доползу, как-нибудь. А если и не доползу, то все – равно, в дороге и помирать легче. По крайней мере, попытаюсь что-то сделать. А загадку этой полянки я все равно раскрою.

Отлежусь, отъемся. Возьму у родственников денег взаймы, накуплю продуктов. И снова вернусь!

Глава третья

Пленник Цитадели

...Под утро меня разбудили. На сей раз не белка, не завывание ветра и не снег, попавший на голову. Я почувствовал, как сильные руки перекалывают мое застывающее тело на что-то упругое. Потом поднимают. Будь это дома, я даже не обратил бы внимания и даже не проснулся бы, потому что действовали очень мягко и деликатно. Но жизнь в лесу приучила реагировать на малейшие шорохи, звуки. Сквозь легкий бред я заметил несколько полуразмытых фигур, которые что-то несли. Видимо меня. Значит, полковник все-таки поспешил на выручку и прислал людей. «Интересно, как они меня дотащат до трассы? Вряд ли у них снегоход или вертолет. На носилках тащить – замучаются. Или на санки положат?» – подумал я и провалился в окончательное беспамятство. Очнулся спустя какое-то время. Может, через несколько часов. Или дней? Удивительно, но нога не болела. Нос дышит. Голова тоже не болит. Кажется, мой.

Попал-таки в цивилизацию... Чистые простыни, да и сам весь такой чистый. Свежее нательное белье, типа рубахи и кальсонов (или – кальсон?), которые давненько не нашивал... На ощупь – натуральный лен. Может быть, в больнице переодели? Но помещение не похоже на больничную палату. Нет грязно-белых потолков, облупленных стен и прочих больнично-госпитальных убожеств, присущих районным здравницам. И, что самое главное – нет характерных больничных запахов. Пахнет смолой и чистотой... Дощатый потолок. Бревенчатые стены. Скорее всего, меня разместили в каком-то деревянном доме. Наверное, полковник решил соблюсти полнейшую секретность. И где же он такой дом-то откопал? Что-то я не помню, чтобы в деревнях были последователи архаичности. Обычно стены клеят обоями, а потолок – бумагой. Хотя, может быть это теремок или охотничий домик. А молодец, вовремя вытащил. За это я простил Унгерну все свои лесные злоключения. Все-таки, никто меня силком в эту авантюру не пихал. Уже большой мальчик... Да и возможность запустить ракету имела. Полковник здесь совсем даже не причем. Это уж я сам, пытаюсь крайнего найти. А все сводится к тому, что сам – дурак! Но нужно будет переговорить, а не положена ли мне премия за вредность?

Повернув голову, я обнаружил, что нахожусь в помещении не один. Возле кровати сидел здоровенный мужик, одетый так, что позавидует режиссер исторического фильма. Белая холщовая рубаха, белые штаны. На плечи небрежно наброшен серый кафтан с жарко начищенными пуговицами. Возраст улавливался с трудом – что-то от сорока до пятидесяти. Определить точнее мешала густая седоватая борода.

– Оклемался? – густым басом спросил мужик. – Ну и славно. Ты уж не обессудь, паря, но одежда-то твоя тогось... Сожгли мы ее. Уж очень в ней насекомых много. Развел, понимаете ли, зверинец. Ну, ежеля, конечно, они тебе дороги, то можешь потом снова развести. Это несложно.

– Вы от Унгерна? А где он сам?

– Ну, наверное, там же, где и был. Дома сидит, вестей от ты ждет. Только долгонько ему теперь их ждать. Говор собеседника отдавал архаичностью. «Долгонько», «то», употребляемое где надо и не надо. И «оканье» слишком манерное. Смешение вологодского и рязанского говоров. Но произношение звуков было чистым, нехарактерным для данной местности. На территории Грязовецкого района, бывшего на стыке Центрального и Северного регионов, народ употреблял «аканьем». Почти как в Москве.

– Виктор Витальевич дома... А где же я? – заторможено спросил я. Фраза, как из еврейского анекдота: «Абрам – это ты?! А с кем же я?»

– Сейчас нужно поесть. А вопросы будешь задавать позже.

Он встал и придвинул к моей постели столик. Сухарики, пара яиц и дымящаяся чашка с бульоном. НАСТОЯЩАЯ ЕДА! Какими-то невероятными усилиями я попытался соблюсти приличия, а не запихать в себя все и сразу. И у меня получилось. Почти... Когда догрызал последний сухарик, бородач вышел и вернулся с подносом, на котором стоял кофейник, сахарница и две крошечные чашечки. Ловко разливая напиток, бородач сказал:

– Ну вот, теперь можно и поговорить, и кофейку попить. Кстати, меня зовут Ярослав. Можно на «ты». «Выкать» у нас не принято. Твое имя я уже знаю. Так вот, у меня всего один вопрос – что ты делал в лесу? Из его речи пропала вся архаичность. А в голосе и интонациях появилось что-то такое, специфическое. Как будто я разговаривал с кем-то.

– А в лесу обязательно что-то делать? Может быть, я так, гулял. Или участвовал в конкурсе. Если уж знаете мое имя – значит, мои вещи и документы у вас. Миллион рублей – это деньги.

Кажется, Ярослава позабавила «легенда», но он постарался сохранить серьезный вид:

– В лес обычно идут с целью. За ягодами, за грибами, за дичью. Даже за реликтовыми гуманоидами. А ты просто сидел и ждал. Конкурс, говоришь? «Последний герой в сугробах!» Звучит. Только, вот какая странность. Объявление о конкурсе публиковалось лишь в местной газете и нигде больше. Какие напрашиваются выводы? Отмазка для обывателей, да милиции, чтобы лишние вопросы не задавали...

– Кстати, нападение и кража вещей – ваша работа? – опять ответил я вопросом на вопрос.

– Естественно. Думали, уберется незваный гость подобра-поздорову. Ну, а все-таки – зачем ты тут сидел?

– А куда делись две группы людей? – ответил я вопросом на вопрос. – Тех, что за снежными людьми охотятся.

– А, так ты их высиживал? – заулыбался Ярослав. – Знакомых потерял? Или так, задание выполняешь? Того самого, полковника Унгерна? В принципе, мы так и предполагали. Виктор Витальевич – человек в наших кругах известный. Мастер своего дела. Но ты-то на специалиста тайной войны не похож.

– И на кого я похож? – уязвлено поинтересовался я.

– Скорее, на учителя русского языка и литературы.

– Истории, – уточняющее буркнул я. – А куда люди делись?

– Никуда они не делись. Все здесь, при деле. Ребята крепкие. Нам такие нужны. А вот, что касается тебя... Парень ты упертый. Но! – вскинул он палец. – Для нас, неподходящий. Не обижайся. Дело не в твоих личных качествах – мол, шляпа интеллигентная. Не шляпа ты, отнюдь... Дело в другом. В принципе, сюда ты попасть не мог. Не должен был попасть.

– Но ведь попал же...

– Попал, – кивнул Ярослав головой. – Как уж умудрился – еще думать и думать. Но ведь никто не знал, что ты сможешь сюда пройти. Мы поначалу считали, а стоит ли вообще этого дурака спасать?

– Благодарствую, – натянуто улыбнулся я.

– Кушайте, на здоровье, – откликнулся бородач. – Еще неделя и все дела... Но неделю бы ты и не прожил.

– Откровенно. что ж, и на том спасибо.

– Ладно, ты не думай, что мы такие звери. Доводить бы тебя до смерти никто не стал, а сами бы выстрел из ракетницы дали. Скажи спасибо Машке.

– Это не той ли собачке, что чайником получила? Передайте ей, что приношу свои извинения за бестактность. Это не специально. Случайно вышло, – честно признался я.

– Да нет, не собачке. Не такие они у нас, чтобы подставляться.

С этими словами Ярослав открыл дверь и громко позвал:

– Машка, иди сюда. Оклемався наш гость дорогой, можно и побеседовать.

Дверь деликатно скрипнула и в комнату заскочила девчушка лет семнадцати. Рыжие волосы и конопушки на вздернутом носике удачно оттенял светло-зеленый сарафанчик.

– Вот этой барышне и скажи спасибо. Не знаю, чем ты ей понравился. Ладно еще, был бы ты – ух! А то... – скривился Ярослав.

– Тебе дядюшка, только бы гадости говорить, – фыркнула Машка. – А человек так ничего и не понял.

– А что я должен понимать?

Вместо ответа девчонка подняла вверх правую руку. Что-то пробормотала. И, исчезла... На том месте, где она стояла, остался лишь скомканный сарафанчик. Из зеленой ткани вылезла... белочка.

Зверюшка коротким прыжком запрыгнула на стол. Уморительно почесала лапкой за ушком и показала мне розовый язычок. Хорошо, что я лежал, а то наверняка мог упасть в обморок. Ярослав, готовый к подобной реакции всунул мне в руку небольшую фляжку.

Питье оказалось забористым и напоминало хорошую водку с привкусом каких-то трав.

– Видишь, какая девка, – с гордостью произнес дядюшка. – Вся в матушку, в сестрицу мою. Только та в бобриху превращалась. Знаешь, сколько дров могла заготовить? Пилить не успевали! А эта, вишь, в белку. Могла бы хоть, орехи запасать, что ли. Никакой пользы. Целыми днями по деревьям скачет. А уж скольких женихов до обморока довела – ни счесть.

– Хорошо, что не до инфаркта. А сам-то ты ни в кого не превращаешься? – от изумления перешел я на «ты». – Лучше заранее предупреди. Увижу какого-нибудь ... монстра. А сердце у меня слабое...

– Настроения нет, – равнодушно обронил Ярослав. – Потом, как-нибудь. Пожалуй, нам пора. Да ладно, не переживай. По-правде, ты не только Машке понравился, но и всем нам. Упертый парень. А иначе, честно тебе скажу, никто и не пытался бы тебя сквозь занавес тащить.

Кажется, на сегодня лимит моих удивлений был исчерпан. Но и этого хватило за глаза и за уши. Ярослав протянул белке руку, по которой та вбежала на его плечо. Прихватив сарафан, родственнички ушли.

Хорошо, что мне оставили фляжку. Выдул ее в три глотка (а чего такого? там и было-то – граммов двести, не больше), запил остатками кофе. В голове стало ясно и хорошо, а жизнь показалась просто замечательной. Как будто заново родился! Все здорово! Комната прекрасная. Обставлена, правда, со спартанской простотой: кровать, письменный стол и два табурета. Еще есть пустой платяной шкаф и пустые книжные полки. Имелась прикроватная тумбочка, где лежало постельное и нательное белье, запаянное в полиэтилен. Прямо, как в купе. Ночного горшка или «утки» под кроватью не оказалось, но я нашел дверцу, за которой обнаружил узкий коридор, выходящий в чуланчик, оснащенный недеревенскими сантехническими средствами: душевой кабинкой, раковиной и унитазом. Там же шкафчик с набором шампуней, одноразовых станков для бритья, зубных паст и щеток, нескольких сортов мыла и прочего.

Все «мыльно-рыльные» принадлежности были в фабричной упаковке. Я не стал рассматривать фирмы производители. Может, шпиону это что-нибудь и сказало бы, если бы дело происходило лет тридцать назад. Но только не в наше время, когда французская косметика изготавливается в Польше, а бритвы «Жиллет» в Китае. Мои же апартаменты наводили на мысль либо о гостевой комнате, либо о комнате, сдаваемой в наем. Никаких отличительных черт. Прямо, как на «Наутилусе» капитана Немо.

В течение ближайшей недели я ел и спал, спал и ел. Ни Ярослав, ни Белка (Машкой называть язык не поворачивался) не заходили. Только молодой парень пять раз(!) в день приносил еду и уносил грязную посуду. В разговоры он вступать не пытался, ограничиваясь кивками. Кормили замечательно. Кажется, за это время не только нагнал прежний вес, но основательно раздобрел. Можно и без весов определить, что стал весить около восьмидесяти килограммов!

И все бы хорошо, но тоска смертная. Ни книг, ни телевизора, ни компьютера. Одно развлечение – смотреть из маленького, «банного», окна. Но из него был виден только лес, кажущийся бескрайним.

И главное – мысли, мысли, мысли... Даже по тем обрывкам фраз, оброненных Ярославом, почвы для размышлений оказалось достаточно: «Не должен был пройти через занавес, но прошел...» Что за занавес? Мембрана между чем? Мирами? Девчонка – оборотень... Беда еще в том, что в ущерб основному чтению я чересчур налегал на фантастическую литературу. Тут тебе и вариант Крапивина, с «гранями Кристалла» и параллельные пространства Бушкова и Макса Фрая, «Рубежи» Валентинова-Олди-Дьяченко, «двери в стене»... Выбор большой. Есть о чём подумать. Хотя бы о том, почему за окном зеленые деревья? Сколько могло пройти времени от того момента, как меня притащили из леса? По моим подсчетам – не больше недели... Из зимы, да в лето. Обман зрения, или галлюцинация? Может – декорация? Но на декорацию не похоже. Слишком уж правдоподобно шевелилась кроны деревьев, за которыми плыли облака. Причем, разной формы... Да и какой смысл? А если допустить, что уже лето? Предположим, я заболел и провалялся без памяти несколько месяцев? Очнулся, где-нибудь в июне. Хотя, зазеленеть листва могла и в середине мая. Получается, месяц без памяти? В сущности – вполне реально. Кто его знает, как мог вести себя ослабленный и заболевший организм. Правда, не видно следов от капельниц. Но если допустить, что меня кормили не внутривенно, а другим способом? Что подумает полковник Унгерн? Присоединит к списку боевых потерь? И будут ли моим девчонкам пенсию платить?

Излишнее думанье от скуки не спасало – скоро созрею для бросания на стенки. И когда я уже был вполне к этому готов, зашел Ярослав.

– Пошли, – коротко бросил он мне. – Одежду подбирать будем. Раз уж ты умудрился к нам проникнуть, значит – должны тебя привести в приличный вид. Не будешь же в подштаниках ходить.

Мы шли по лестницам, какими-то переходами. Наконец, спустились вниз, чуть ли не в подвал, где в одном из отсеков нас встретил дедушка, похожий на упитанного домового, выдавший мне белые холщовые штаны, белую же рубаху и серый кафтан. Я уже успел понять, что это своеобразная униформа.

На удивление, подгонять ничего не пришлось. А сапоги такие, что Иван-царевич удавился б от зависти. Кроме того, мне вручили короткую кожаную куртку и толстую вязаную шапку. Вернули мой «дембельский» ремень. Что удивительно – бляха начищена так, что горела. Такой красоты я не мог добиться даже в «учебке»! Мне даже стало стыдно перед дедушкой. Наверное – именно он и драил мою бляху.

Когда я стал выглядеть как солист народного хора, мы отправились дальше. Как оказалось – в оружейную кладовую, которую лучше бы обозвать Оружейной палатой!

Это было нечто! Любой музей мира (за исключением нищих российских) отдал бы любые деньги за пару двуручных рыцарских мечей эпохи позднего средневековья. А за щит, сработанный, наверное, еще оружейниками Древней Эллады, коллекционеры продадут последние штаны и любовницу! А стеллажи, заваленные дамасскими саблями и польскими корабелками? Махайры и катаны, ятаганы и клейморы... И уж совсем непрезентабельно выглядела огромная корзина, из которой торчали итальянские даги, пражские стилеты, и... до боли родные штык-ножи от Калашникова.

Но для моего спутника это оружие было не раритетом, имеющим аукционную стоимость, а обыденностью. Безо всякого почтения он передвигал палаши Андреа Феррари, клинки с «волчьими» клеймами и лилиями. И даже лягнул позолоченную мисюрку, некстати подвернувшуюся под ноги. «Не то!» – бурчал Ярослав, отодвигая очередной артефакт. После короткого раздумья подвел меня к полке, на которой лежали кистени и булавы.

«Интересно, за кого он меня принимает? За Илью Муромца?» – подумал я, но не успел озвучить мысль.

Ярослав вытащил из груды железа небольшой шипастый шарик на цепочке.

– Вот это подойдет, – с удовлетворением произнес он. – Кистень. Еще называют «гасило».

– Говоря милицейским языком – оружие ударно-раздробляющего действия, – хмыкнул я и крутанул цепью.

С моей точки зрения, получалось сносно. Ярослав же критически глянул на меня, но промолчал. Стал рыться дальше. Во время его поисков выяснилось, что я «доходяга», «неумеха» и «нескладина, которому оружие давать опасно для жизни». В сущности, ничего нового я не узнал. Вспомнилось, как по милости начальника меня обрядили в бронежилет и каску-сферу, навесили дубинку и дали в руки автомат. Командир СОБРа Гурцев специально приходил посмотреть и посмеяться. С тех пор, уже когда мы оба ушли на дембель – я по собственному желанию, а он, по выслуге лет, встречаясь со мной, Колька начинал гнусно ржать... Говорил, что воспоминания поддерживали боевой дух его бойцов в Чечне.

В конце – концов, кроме кистеня, я стал обладателем короткой (изрядно промасленной) кольчуги, стеганой подкольчужной куртки, легкого кожаного шлема с металлическими накладками, десантного ножа «аля Рэмбо» и короткого копья с тяжелым наконечником. Кажется, именно оно и называется «рожон», на который никому не рекомендуется лезть. Хотелось попросить меч, или саблю, но хватило ума этого не делать. Фехтовальщик из меня...

– Щит тебе потом сделают, подгонят по руке, – вздохнул почему-то Ярослав, оглядев меня как приложение к амуниции. – Может, сразу-то и не убьют...

– Ага, – отвечивал я, даже не вникнув в слова Ярослава, а тот уже подпихнул меня в спину.

Загруженный оружием и доспехами я едва успевал за Ярославом. Наверное, нужно было спросить – на какую ролевую роль меня тащат? Слышал, что последний писк – RPD не по Толкину, а по Сапковскому. Но кто там меня убивать будет? Там такие же придурки, в очках...

Мы вышли в просторный внутренний двор, напоминающий тюремный или крепостной. Впрочем, с крепостным сходства больше – на окнах нет решеток. Правда, окна маленькие и узкие, что никто не смог бы вылезти. Разве, что, Машка в обличье белки. Тут же наличествовал колодец. Значит, все – таки крепость. Однако, если вспомнить средневековые замки, то они были и крепостями и тюрьмами. Хотя, арестантам-то оружие не давали. Ну, может быть, для меня сделали исключение...

Во дворе стояли обтрепанные столбы, носившие следы рубящих и колющих ударов. С турников свисали кожаные мешки с песком. Вперемежку с гранитными камнями разной формы валялись штанги, поломанные грифы и «блины». Тут и там натыканы «вертушки» для отработки ударов. Словом, классическая иллюстрация крепости в представлении поклонников Перумова...

Ярослав подвел меня к одному из столбов и предложил ударить. Вдарил я от души. Столб зазвенел от негодования, а у меня даже рука занемела. Ярослав же, скривился и укоризненно покачал головой. Потом взял оружие и менторским тоном произнес:

– Зачем бить ото всей дури? Так только бандиты на большой дороге кистенями размахивают. И то, если не шибко умелые. Умелый разбойник знает, что он во время замаха – беззащитен. Такие трюки только в фильмах проходят. В настоящем бою тебя бы уже убили. А нужно – так...

И он продемонстрировал. Оказывается, не надо махать кистенем, как нерадивый пастух бичом. Нужно бросать шар, выбирая определенную точку. Тут главное – не сильная рука, а хороший глазомер.

– Смотри, – продолжал поучать наставник. – Вовсе не обязательно бить в голову. Наоборот – противник именно этого и ждет. А ты – бьешь его в плечо или локоть. Лучше – в локоть. Какой бы силач перед тобой не был, а локтевой сустав у всех одинаково слабый.

– А как я в локоть попаду, – прикинул я позицию противника, стоящего передо мной. – Сзади заходить, что ли?

– Молодец, – похвалил меня Ярослав. – Понимаешь! Значит – выбираешь тот момент, когда он замахнулся, а локоть повернут в твою сторону. Вот тогда и бей! От удара у него рука занеменеет – добивай! Вот тогда можно бить в голову. А лучше – между головой и плечом. Куда-нибудь да попадешь...

– Ну, а если не успею?

– Значит, он успеет раньше, – философски обронил мой учитель. – Ну, по-крайней мере, – утешил он меня, – твой кистень столкнется с его оружием. Не забывай – твое «гасило» – оно же твой щит! И вообще – с твоей комплекцией, лучше бить сверху вниз.

Я немного побросал «гасилом», метаясь в точки, указанные наставником. На пятый раз рука устала до онемения – можно добивать меня самого. Ярослав, критически наблюдавший мою войну со столбом, крикнул и снисходительно заметил:

– Ладно, будем учиться в процессе.

... Последующие дни, стали для меня новой школой. К сожалению, документа об окончании никто не выдавал. Глядишь, положил бы в свой письменный стол, где у меня лежал аттестат о среднем образовании, удостоверение ШМАС (школы младших авиационных специалистов) и диплом (красный!) школы милиции.

Где-то, в глубине души я помнил о другом мире. Где осталась семья – жена, дочь. Но все мысли отходили на задний план, когда начинались занятия. Мне было трудновато. Даже в армии, когда я был лет на двадцать моложе, не приходилось так трудно. Имеется в виду – физически трудно! Но если там я мог без зазрения совести увильнуть от зарядки, срезать дистанцию при марш-броске и подложить спичечный коробок под маску противогаза, то здесь... Я честно пытался делать все, как меня учили и, чувствовал себя тестом в руках умелого кулинара...

Наставником дали молодого парня, который назвался Бряслом (имя или кличка, я так и не понял?) сказал: «Ты можешь никого не убивать. Ты можешь даже не вытаскивать оружие. Но ты не можешь сдвинуть или выронить щит! Даже если тебя убьют – это твое личное дело. Но выронишь щит – тогда убьют всех!»

В боевом строю щиты устанавливались «чешуей». Такая схема возникла, еще у гопплитов, если не раньше, и благополучно дожила до сих пор. Кто не верит – посмотрите на строй «омоновцев».

Обучение было простым. Я заклинивал щит между двумя столбами, имитировавших собратьев по шеренге, и пытался удержать его, а Брясло вырывал. При этом, каких только приемов он не использовал и чем только не бил: и кулаком, и камнем и бревном. Первоначально я вылетал вместе со щитом и получал пинок под зад. Я злился – Брясло по возрасту напоминал мне старшеклассника или студента! Но долго злиться было глупо, поэтому вставал, поднимал щит и ковылял на место, пытаясь не думать об очередном синяке или ссадине. Потом, щит вылетал без меня. Через два дня я хоть и ронял щит, но умудрялся его достаточно быстро поставить на место. Скоро я уже сумел различать приемы и стал просчитывать удары, уклоняясь от них или напротив, подаваясь вперед.

Но все-таки, настал и мой «звездный» час. В один прекрасный момент я понял, что учитель-мучитель ударит вначале по мне (постарается попасть ногой в причинное место!), а когда я загнусь от боли, он снова выбьет щит... Когда я это понял (как и почему – не знаю!), то мне удалось подловить маневр наставника, определив момент нанесения удара! Я с огромным удовольствием треснул Бряслу по ноге!

Когда он ушел, хромая и матерясь (но при этом выглядел довольным!), Ярослав решил, что отныне я сумею держать строй!

Новый наставник, прозывавшийся Гномом (парень обожал огромную секиру) преподавал нелегкую науку «махания» кистенем. Через неделю я уже не представлял опасности для соседей... А через две мог сбить муху в полете. Через три – убить пришибить сидящую муху, не зацепив поверхности, на которой она сидит.

Брясло, несмотря на свою молодость (или, он мне просто казался молодым?), стал для меня инструктором по выживанию в дикой природе. Оказывается, в том лесу, где я подкармливался старой крапивой и подгнившей рябиной, было множество вкусных вещей – съедобные корни, мох, из которого получался вполне сносный хлеб, были, в конце – концов, птицы и звери. Имевшуюся в моем распоряжении – и, бездарно растраченную, леску, следовало пустить на силки. И всего-то сделать простую затяжную петлю, на манер маленького лассо. А потом – разложить приманку (ту же старую ягоду рябины, а еще лучше – что-нибудь яркое, вроде пуговки) и ждать.

Даже мышиное мясо могло быть вкусным и питательным. Если, разумеется, избавиться от предубеждений и научиться ловить мышей. Находишь мышиную норку (по следам!), а потом садишься в засаду! Вот-вот, именно в засаду. Не стоит недооценивать добычу, даже если это лесная мышь! Итак – терпение и еще раз терпение. Вывод напрашивался сам собой. Хочешь белковой пищи – помни о повадках фауны, которая бродит по флоре! Эх, почему я всего этого не знал раньше?

Утром ко мне приходил Ярослав и мы отправлялись бегать. Иногда к нам присоединялся Борис. Он был еще старше Ярослава, но бегал быстрее меня, успевая по дороге собирать какие-то травы и листья.

Мои новые знакомые умели сочетать «приятное с полезным». Так, во время дальних пробежек (а уже через две недели я втянулся), можно было осмотреться на местности. Теперь я знал, что наш дом был Цитаделью не только по названию, а по своей сути. Четырехэтажное здание, сложенное из прочных бревен, пропитанных настоем каких-то хитрых трав. Борис, которого я про себя называл ведуном (как выяснилось позже, он им и был!), говорил, что это «середя-травя». Название мне ни о чем не говорило. Да и в справочниках я его не нашел. Но, по уверениям моих новых друзей, из-за такой пропитки бревна становились огнеупорными. Когда я осмелился выразить недоумение, Борис, не утруждая себя разговорами и уверениями (хотя я поверил бы и на слово!), притащил откуда-то банку с бензином, облил стену дома и бросил спичку. Разумеется, бензин вспыхнул. Но когда выгорел, обнаружилось, что бревна даже не подкоптились! Правда, с внутренними помещениями было сложнее: полы, стены и перекрытия были огнеупорны, но в доме имелись книги, мебель и прочее огнеопасное добро. Поэтому, хотя и не принималось особых противопожарных мер (вроде запрещения курить, топить печи или пользоваться электроаппаратурой), но везде имелись датчики, чутко реагирующие на тепло.

По всем этажам располагались жилые комнаты (по две на человека), помещения, напоминающие лаборатории, кладовые для стрел, дротиков, каменных и глиняных шаров.

На первом этаже располагалась огромная трапезная и кухня, где постоянно что-то журчало и скворчало. Не было расписаний завтраков-обедов-ужинов, зато – явившись можно было всегда взять что-нибудь перекусить. Кормили нас две пожилые тетеньки, но, как я заметил, из пяти (!) электрических плит была задействована лишь одна. Да и в трапезной столов было раз в пять больше, чем едоков.

Я, обычно, завтракать ходил с Ярославом, после пробежек, а обедал-ужинал с Брясло или Гномом.

Большая часть жилья пустовала, хотя комнаты имели вполне обжитой вид. Казалось, хозяйева просто куда-то уехали. В отпуск, например.

В подвалах, помимо одежды и оружия, хранились запасы еды, каменного и древесного угля и еще много всякой всячины, назначение которой для меня было не совсем ясно. Судя по всему, подвалы были многоуровневыми и наша крепость имела подземных этажей больше, нежели надземных.

Вокруг строения шел двойной ряд стен. Внутри обустроены жилые помещения, стояла для скота, мастерские. Как мне объяснили, в случае осады жители ближайших деревень находили здесь пищу и кров.

В крепости (ее называли с большой буквы – Цитадель) в мирное время жило только пятнадцать-двадцать человек. В основном, мужчины. Они-то и поддерживали порядок. Даже Ярослав, имеющий статус начальника (вождя!), не гнушался мыть полы и готовить обеды. Кроме бесконечных тренировок, гарнизон занимался еще какими-то делами.

Деревень было десять. Там жили люди, которые рожали и воспитывали детей, пахали и сеяли, разводили скот и ловили рыбу. И одежда и манеры – как из учебника истории. Вот только дома освещались не лучиной или свечами, а настоящими «лампочками Ильича». В каждом доме была горница с библиотекой. Почти каждый имел компьютер. Подозреваю, что они были объединены в локальную сеть.

В этих краях электричество вырабатывали ветряки. Но не было намека на механизмы, работающие от дизельных или бензиновых двигателей, а средством передвижения служили лошади. Здесь не действовали сотовые телефоны, не было выхода в Интернет. Ну, а самое главное для военизированной организации – не было даже намека на огнестрельное оружие. Складывалось впечатление, что этот мир приемлет только экологически чистую продукцию!

Во время пробежек выяснил, что Цитаделей, подобных нашей, было пять. И все они стояли в окружении деревушек. Опять же приходили на ум только средневековые сравнения. Замки феодалов в окружении копигольдеров и фригольдеров...

Я попытался прикинуть – сколько всего человек здесь проживало? В среднем, в каждой деревне имелось по семь дворов. Если, по максимуму – по десять человек в семье, семьдесят-сто на деревню. Стало быть – менее тысячи человек. Взрослых мужчин не набиралось даже для защиты одной цитадели! И это при условии, что они будут стоять на стенах круглыми сутками. Но нужно, как минимум, две смены. А лучше – три! Можно предположить, что в случае военных действий приходит подмога извне. Не случайно же, в каждой из крепостей имеются свободные комнаты. Только – было абсолютно непонятно самое главное. Зачем нужен весь этот архаизм? Что за форт в окружении индейцев? Ну, если взять отечественные реалии – что за сибирский острог? Ярослав отвечать не спешил, а остальной народ отделялся шуточками типа «Вырастешь крошка – узнаешь!» Правда, особо задавать вопросы было некогда, так как из меня (как выразился ведун) выжимали «кислую шерсть».

Глава четвертая

«Совместитель»

– Завтра у тебя занятия в школе, – заявил мне Ярослав, пока я отирал с чела пот, после очередной пробежки.

– ?!

– Два урока в неделю. Думаю, что для начала достаточно.

– А что за уроки и что за школа? – продолжал недоумевать я.

– Школа – наша, – принялся объяснять Ярослав. – Должны же дети учиться? А у нас проблемы с педагогами, а ты – дипломированный историк. Тем паче, что должен отрабатывать свое пребывание.

Будучи, в глубине души человеком честным, я согласился с Ярославом. Коль скоро я тут квартирую и столуюсь, то должен за это платить. То, что в постояльцы не просился, ничего не меняло. Посему, пожал плечами и спросил:

– А какую историю? Если историю этого мира – так я ее и сам не знаю.

– Будешь преподавать отечественную историю. Стало быть – историю России, – на всякий случай уточнил мой собеседник. – Учебники есть. Программы и все остальное, что нужно составишь сам. А историю Цитадели будете учить вместе, в процессе. Но попозже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.